

I.

Зимняя экспедиция 1808 года черезъ Кваркенъ.

Отрывокъ изъ неизданного сочиненія: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли“.

Ф. П. В—на.

(Съ портретомъ и картю).

(Статья первая).

Въ февралѣ 1808 года русская армія, въ составѣ 24,000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, вступила въ шведскую Финляндию и въ два мѣсяца оттѣснила инвѣдско-финскія войска, не ожидавшія войны, до предѣловъ нынѣшней Улеаборгской губерніи. Но затѣмъ противникъ, сосредоточивъ свои силы и подкрѣпивъ ихъ изъ Швеціи, самъ перешелъ въ наступленіе; въ то же время появились партизанскіе отряды и началась пародная война, развитію которой благопріятствовали свойства пересѣченной мѣстности. Такимъ образомъ война, считавшаяся почти оконченою, возгорѣлась снова и потребовала большихъ усилий, пока, наконецъ, болѣе полугода спустя, Буксгевдену удалось вторично отбросить главныя силы непріятеля отъ базы къ Улеаборгу. Туда же отступали, со стороны Куопіо, прочія войска его, преслѣдуемые отрядомъ Тучкова. Положеніе шведовъ, съ двухъ сторонъ тѣснѣнныхъ, сдѣлалось тогда критическимъ; командовавшій ими генералъ Клеркеръ поспѣшилъ вступить въ переговоры, которые,

сверхъ ожиданий, не были отвергнуты и повели къ заключению въ Олькюки, 7-го (19-го) ноября, конвенции; по этой конвенции шведский генералъ обязался отступить со всѣми войсками за р. Кеми и предоставить побѣдителю свои военные и продовольственные запасы.

Очищение Финляндіи непріятелемъ, равносильное уступкѣ ся нашимъ войскамъ, это былъ результатъ, который, повидимому, не могъ не удовлетворить всѣмъ желаниямъ. Въ дѣйствительности же заключенный договоръ возбудилъ, по крайней мѣрѣ, въ людяхъ компетентныхъ, неудовольствие. Иначе оно и быть не могло, ибо главная цѣль войны—выгодный миръ—не только не была достигнута, но, напротивъ, казалась еще болѣе отдаленною. Для достижения этой главной цѣли одного занятія страны было недостаточно; необходимо было еще отнять у противника средства къ продолженію войны: лишить его арміи съ заключенiemъ же перемирия, шведско-финская войска, положение которыхъ было почти безвыходное, приобрѣли возможность свободно отойти за р. Кеми, откуда они постоянно могли угрожать новымъ вторженіемъ. Какъ мало достигнутые результаты соотвѣтствовали тогдашнему положенію дѣла, видно изъ впечатлѣнія, которое они произвели на Барклая. Узнавъ о состоявшемся перемирии, онъ, между прочимъ, замѣтилъ въ своемъ дневнике, что для шведскихъ генераловъ «Олкюкская конвенція выходитъ побѣды».

Императоръ Александръ, давно уже питавший къ графу Буксгевдену иѣкоторое неудовольствие, вызванное отчасти его строптивымъ характеромъ, отчасти же наущеніями Аракчеева, остался до того недоволеннымъ послѣдними дѣйствіями главнокомандующаго, что рѣшился смѣнить его. Еще въ октябрѣ, по поводу разногласія съ совѣтомъ министровъ, Буксгевденомъ было подано прошеніе объ увольненіи его отъ должности; теперь было постановлено принять это прошеніе и назначить другого главнокомандующаго.

Послѣднія распоряженія графа Буксгевдена были чисто административныя. Всѣмъ войскамъ было сдѣлано новое расписаніе и армія раздѣлена на четыре отряда или корпуса: Улеаборгскій, Вазаскій, Абоскій и Гельсингфорскій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенантовъ: Тучкова, князя Голицына, князя Багратіона и графа Витгенштейна. Графъ Каменскій долженъ быть, по болѣзни, оставить на иѣкоторое время армію. Багратіону было приказано сдѣлать приготовленія къ экспедиціи на Аландскіе острова, которая

должна была быть предпринята, какъ только ледъ окрѣпнетъ. Для увеличенія числа гребныхъ судовъ и усиленія ими обороны береговъ, были приняты мѣры къ постройкѣ судовъ въ Улеаборгѣ и Вазѣ.

Увольненіе Буксгевдена отъ званія главнокомандующаго не доставило ему, однако жъ, возможности выѣхать изъ Финляндіи и удалиться, какъ онъ желалъ, въ свое имѣніе. Всѣдѣ за увольненіемъ, ему было послано повелѣніе оставаться тамъ до представленія отчетовъ и окончанія дѣлъ по управлению арміею, а Аракчеевъ, вліянію которого подобное повелѣніе только и можетъ быть приписано, не упустилъ случая, чтобы продлить это тяжелое и оскорбительное положеніе многочисленными и нерѣдко обидными запросами; впрочемъ, и ответы, имъ полученные, заключали въ себѣ весьма непріятныя для него истины. Напрасно Буксгевденъ обращался къ Государю съ представленіями и письмами, испрашивая разрѣшенія отправиться, по крайней мѣрѣ, въ Петербургъ: представленія и письма оставались безъ отвѣта и, только иѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ получилъ разрѣшеніеѣхать въ Эстляндію. Такое обращеніе съ заслуженнымъ генераломъ, однимъ изъ героевъ Екатерининскихъ войнъ, если и не оправдывается, то объясняется тѣмъ, что графъ Буксгевденъ, иѣкоторыми не совсѣмъ почтительными выходками, еще прежде возстановилъ противъ себя Императора Александра; иѣть сомнѣнія, что могущественный министръ употребилъ все свое искусство, чтобы поддержать это настроеніе и воспользоваться имъ. Не говоря уже о прежнихъ нодвигахъ Буксгевдена, онъ и въ послѣднюю кампанію, въ званіи главнокомандующаго, оказалъ большія заслуги, въ особенности въ юго-западной Финляндіи, гдѣ многочисленныя и хорошо обдуманныя предприятия непріятеля оставались всегда безуспѣшными, благодаря его неусыпной бдительности и своевременнымъ распоряженіямъ. Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ его образъ веденія войны, результатомъ ея было завоеваніе Финляндіи¹⁾.

Новымъ главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи Кноррингъ, который въ кампанію 1806—1807 гг. былъ иѣкоторое время помощникомъ Беннигсена. Выборъ этотъ мало соотвѣтствовалъ смѣлому плану дѣйствій, выработанному въ то время въ Петербургѣ. Генералъ Кноррингъ, храбрый и весьма свѣ-

¹⁾ Графъ Буксгевденъ умеръ въ 1811 году въ принадлежавшемъ ему замкѣ Лоде въ Эстляндіи.

дущий воинъ, ученикъ извѣстнаго Бауера и участникъ почти всѣхъ славныхъ дѣйствій первой Турецкой войны, исполнившій въ 1788—1790 гг. обязанности генераль-квартирмейстера Финляндской арміи и командовавшій затѣмъ съ отличиемъ особымъ корпусомъ противъ польскихъ конфедератовъ, не обладающій, однако же, качествами, необходимыми для главнаго и самостоятельного начальника; онъ не имѣлъ болѣе энергіи, которую отличалася въ молодости, боялся отвѣтственности и на всякое предпріятіе смотрѣлъ преимущественно съ точки зрѣнія затрудненій и преслѣдствій. Между тѣмъ порученная ему задача требовала, прежде всего, большой рѣшиимости. Задача эта заключалась въ перенесеніи нашего оружія чрезъ Ботнический заливъ.

Покореніе Финляндіи, какъ и должно было ожидать, не повелѣло еще къ прекращенію войны. Король шведскій Густавъ-Адольфъ IV, не взирая на тяжкое положеніе истощеннаго государства, и не помышляя о мирѣ. Оставалось понудить его къ тому силой, а это всего вѣрѣе могло быть достигнуто пораженіемъ его войскъ въ предѣлахъ его собственнаго государства. Мысль о перенесеніи войны въ Швецію была тогда уже не новая. Еще весною графу Буксгевдену было новѣйно сдѣлать соображеніе о потребныхъ для производства высадокъ средствахъ; но требования его оказались неисполнимыми¹⁾. Теперь опять возвратились къ этой мысли, но уже съ предположеніями зимней экспедиціи. При обсужденіи этого вопроса было спрошено мнѣніе Барклая. «Тотчасъ по отъѣздѣ генерала Клюринга», пишетъ онъ въ свое мѣсячн. журналѣ, «я былъ потребованъ къ Государю. Его Величество, въ присутствіи военнаго министра, соблаговолилъ сказать, что для достижениія мира и понужденія къ тому шведскаго короля, необходимо предпринять что-либо противъ Швеціи и что для этого онъ намѣренъ двинуть одинъ корпусъ чрезъ Торнео на Умео, другой—изъ Або, чрезъ Аландскіе острова, прямо на Стокгольмъ, а третій изъ Вазы въ Умео, по такъ называемому Кваркену. О предположеніяхъ этихъ Государь пожелалъ узнать мое мнѣніе. Насколько въ короткое время это было возможно, я старался доказать сомнительность и даже опасность подобнаго предпріятія въ странѣ скучной и лишенной жизненныхъ средствъ, въ которой мы не могли бы имѣть

¹⁾ Графъ Буксгевденъ полагалъ тогда необходимымъ имѣть, кроме дѣйствовавшихъ въ Финляндіи войскъ, еще 50,000 человѣкъ, а разно 200 канонерскихъ яходъ и линейный флотъ.

влиянія и найти сочувствующей партіи, и где, съ наступленіемъ весны, при невозможности слабымъ нашимъ морскимъ силамъ устоять противъ англо-шведскаго флота, мы были бы отрѣзаны отъ резервовъ и магазиновъ. Испросивъ разрешенія изложить мои мысли письменно, я имѣлъ честь представить Его Величеству, около половины декабря, особую записку. Затѣмъ, до половины января, о предположеніяхъ этихъ не было болѣе рѣчи; но въ то время я могъ замѣтить изъ некоторыхъ выражений военнаго министра, что къ нимъ стали возвращаться».

Изъ приведенныхъ строкъ видно, что Барклай не одобрялъ вышеизложеннаго плана и это можетъ показаться тѣмъ болѣе страннымъ, что вскорѣ послѣ того онъ обезсмертитъ свое имя блестательнымъ выполнениемъ самой трудной изъ заключавшихся въ немъ задачъ. Но безкорыстіе великой души его въ томъ и заключалось, что, для пользы дѣла, онъ не только подавлялъ всѣ личныя чувства, но еще старался превосходнымъ исполненіемъ вознаградить ошибочность соображеній. Что же касается высказанныго Барклаемъ мнѣнія, высказанного притомъ съ тою правильностью, отъ которой онъ не отступалъ и передъ Монархомъ, то послѣдовавшій вскорѣ событія достаточно доказали вѣрность его взгляда, ибо составленный въ Петербургѣ планъ, о которомъ въ дневникѣ только слѣдка упоминается, въ сущности остался неисполненнымъ и едва ли могъ быть осуществленъ. Дѣйствительно, перенесеніе оружія чрезъ Ботнический заливъ общало несомнѣнныи усиѣхъ въ случаѣ нашего господства надъ водами этого залива; зимнія же предпріятія по необходимости должны были ограничиться кратковременными экспедиціями на противоположный берегъ. При этомъ одно только появление Улеаборгскаго и Вазаскаго отрядовъ въ Торнео и Умео не могло оказать рѣшительнаго вліянія на ходъ дѣль, а совокупное движеніе ихъ къ Стокгольму, какъ оно предназначалось новымъ планомъ, если и не было невыполнимо, то во всякомъ случаѣ требовало слишкомъ много времени. Ить сомнѣнія, что внезапное появленіе значительныхъ силъ подъ стѣнами столицы могло понудить непреклоннаго короля къ уступкѣ; но это достигалось гораздо проще со стороны Або и Аландскихъ острововъ, гдѣ и войска, и запасы могли быть легче собраны. Этимъ предпріятіемъ, однако же, операционный планъ не ограничивался; наоборотъ, дѣйствія противъ Стокгольма должны были быть произведены общими силами всѣхъ трехъ корпусовъ. Неудивительно, что такой планъ не по-

правился Барклаю; но когда ему ввѣрено было начальство надъ корпусомъ, которому назначено было совершилъ одну изъ опаснѣйшихъ экспедицій, когда-либо предпринятыхъ,—онъ не поколебался исполнить свой долгъ съ тѣмъ же самоотверженіемъ, съ которымъ осуществилъ бы свою собственную, любимую мысль.

Положеніе дѣлъ, найденное новымъ главнокомандующимъ при проѣздѣ его, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по Финляндіи, далеко не соотвѣтствовало инструкціямъ, полученнымъ имъ въ Петербургѣ. Расположеніе войскъ не согласовалось съ новымъ планомъ дѣйствій, а магазины, за небольшими исключеніями, были почти пусты; главное же затрудненіе заключалось въ совершенномъ недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, такъ что доставленіе запасовъ на сборные пункты и даже снабженіе продовольствіемъ передвижавшихся войскъ встрѣчало едва преодолимыя препятствія. Нужно было имѣть непреклонную волю, чтобы восторжествовать надъ всѣми трудностями; главнокомандующій же видѣлъ въ нихъ только неоспоримыя доказательства въ пользу отмѣны задуманного похода. Между тѣмъ время шло, и зима, на которую все было разсчитано, быстро подвигалась впередь. Наконецъ, въ началѣ (половинѣ) февраля, окончательно выработанный «планъ для зимнихъ операций» былъ присланъ генералу Кноррингу къ безотлагательному исполненію. Такимъ образомъ, выполненіе этой сложной задачи было поручено лицу, ея не одобравшему. Въ то же время послѣдовало назначеніе генераль-адъютанта графа Шувалова командиромъ Улеаборгскаго корпуза, вместо Тучкова¹⁾, а генераль-лейтенанта Барклай-де-Толли — командиромъ Вазаскаго корпуза, вместо Голицына¹⁾. Со стороны вновь назначенныхъ генераловъ, писалъ графъ Аракчеевъ, «возражений не послѣдовало»²⁾.

Согласно «плану для зимнихъ операций», вторженіе въ Швецію должно было быть произведено силами въ 35,000 челов.³⁾, изъ которыхъ въ Абоскій корпусъ предполагалось до 20,000 чел., а въ Вазаскій и Улеаборгскій корпузы—въ каждый—около 8,000 человѣкъ⁴⁾. Барклай и Шуваловъ должны были, по вступленіи на

¹⁾ Тучковъ и Голицынъ были уволены въ отпускъ по болѣзни.²⁾ Отношеніе отъ 2-го февраля. ³⁾ «Исторія царствованія Императора Александра I», т. II, стр. 394. ⁴⁾ У Данилевскаго показано 5,000 (стр. 350); въ «Исторіи царствованія Императора Александра I» исчислено на всю экспедицію 35,000, а следовательно на эти два корпуза около 15,000 (т. II, стр. 394); въ донесеніяхъ Барклая отъ 25-го февраля и 1-го марта говорится о 8,000, предписаныхъ для Вазаскаго корпуза.

шведскую територію, разсѣять непріятельскія войска, обезоружить милицію, захватить магазины и затѣмъ, соединившись близъ Улео, двинуться къ столицѣ королевства; Багратіону же назначалось овладѣть Аландскими островами, утвердиться на нихъ и готовиться къ переходу на шведскую сторону, «послѣ чего всѣмъ тремъ корпусамъ слѣдовало устремиться къ Стокгольму, истрѣбить шведскій флотъ и занять такія мѣста, где войскамъ можно было бы держаться твердою ногою и по вскрытии моря». Читая эти предположенія, нельзя не подивиться комбинаціи совокупныхъ дѣйствій трехъ корпусовъ, начинавшихъ свои операции въ разстояніи: одинъ—около 270, другой—слишкомъ 700, а третій—болѣе 1,000 верстъ отъ Стокгольма. При этомъ планъ для зимнихъ операций былъ доставленъ такъ поздно, что даже при безотлагательномъ его исполненіи и безпрепятственномъ движеніи Вазаскаго и Улеаборгскаго корпузовъ, Барклай и Шуваловъ могли подойти туда только къ концу весны. Непонятно также предположеніе оставить цѣлую армію на шведскомъ берегу и по занятіи Ботническаго залива союзнымъ флотомъ, такъ какъ содержаніе войскъ реквизицію въ странѣ скучной, малонаселенной и къ тому еще источенной и враждебной, было совершенно пенацко.

Однако же, о безотлагательномъ исполненіи операционнаго плана и думать нельзя было: необходимыя на то приготовленія далеко еще не были окончены. Въ войскахъ недостатка не было, но распределеніе ихъ не соотвѣтствовало предположеннымъ дѣйствіямъ: въ Абоскій корпусъ считалось только 10,237¹⁾, въ Вазаскомъ — 12,548, въ Улеаборгскомъ — 9,435 человѣкъ²⁾. Для скорѣйшаго сосредоточенія потребныхъ силъ у Або, была направлена туда часть Гельсингфорскаго корпуза и болѣе половины Вазаскаго; на усиленіе же послѣдняго была назначена часть Улеаборгскаго корпуза; всѣ эти передвиженія еще только начинались. Продовольственная часть также не была устроена, и при недостаткѣ перевозочныхъ средствъ нельзѧ было ожидать скораго пополненія магазиновъ; скучность продовольствія замедляла даже отправленіе войскъ на сборные пункты. Главнокомандующій боролся съ этими препятствіями, сколько могъ; но считалъ все предвѣтіе гибельнымъ, онъ не переставалъ доносить о непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ къ его осуществленію. Въ отвѣтъ на свои жалобы генераль Кноррингъ получалъ понужденія и выговоры, на

¹⁾ Мѣсячный рапортъ о состояніи арміи 1-го января 1809 года.

²⁾ Рапортъ отъ 21-го февраля 1809 года.

которые онъ самъ, наконецъ, отвѣтилъ просьбою объ увольненіи его отъ службы¹⁾). Между тѣмъ, прибыль въ Финляндію военный министръ, присланный Государемъ для ускоренія дѣйствій; 20-го февраля (1-го марта) онъ приѣхалъ въ Або. Со свойственномъ ему энергіею графъ Аракчеевъ принялъ за дѣло и подвинулъ его столь быстро, что съ наступленіемъ слѣдующаго мѣсяца Абоскій корпусъ могъ уже выступить; численность его не была правда доведена до 20,000, а лишь до 17,000 человѣкъ²⁾, но за то войска были снабжены всѣми предметами, которые только могли облегчить предстоявшій имъ трудный походъ³⁾). Что касается другихъ двухъ корпусовъ, то выказанная Аракчеевымъ дѣятельность не могла конечно на нихъ распространиться. Въ Улеаборгъ давно уже былъ посланъ большой транспортъ съ продовольствіемъ, но въ концѣ февраля графъ Шуваловъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій его, не имѣлъ еще никакихъ близайшихъ о немъ извѣстій³⁾. Въ Вазаскомъ же корпусѣ, до прибытія Барклая, ничего не было сдѣлано для сбора войскъ, а отправленный туда пропадъ, по недостатку лошадей, долженъ быть остановиться на половинѣ дороги. Влияніе министра на сѣверную экспедицію должно было по этому ограничиться одними приказаніями о возможномъ ускореніи выступленія.

Въ первыхъ числахъ (половинѣ) марта было, наконецъ, приступлено къ Аландской экспедиціи. Предиряте это должно было быть произведено по льду Ботническаго залива и представляло немалая опасности. Между финляндскимъ берегомъ и островомъ Аландомъ находится безчисленное множество мелкихъ острововъ, что, конечно, облегчаетъ сообщеніе: но, съ другой стороны, въ разнообразныхъ бассейнахъ и многочисленныхъ проливахъ между этими островами ледъ, при оттепели и даже просто при южномъ вѣтрѣ, легко покрывается водою. 1-го (13-го) марта островъ Кумменгъ, назначенный сборнымъ пунктомъ и находящійся въ 30-ти верстахъ отъ Аланда, былъ занятъ авангардомъ Багратиона. На другой день прибыли туда остальные войска корпуса, а вслѣдъ за ними и главная квартира, при которой, кромѣ главнокомандующаго и военного министра, находился еще бывший послани-

комъ въ Стокгольмѣ камергеръ Алонеусъ, снабженный полномочіемъ на случай вступленія шведовъ въ переговоры¹⁾). Войска были снабжены теплую одеждой и сопровождались множествомъ саней, нагруженныхъ провизію, фуражемъ, водкою, дровами и даже замороженными щаси²⁾). На слѣдующее утро Багратіонъ двинулся пятью колоннами для овладѣнія Аландскими островами, но онъ не успѣлъ еще достигнуть острова Вердо, какъ явился шведскій полковникъ Лагербрингъ съ извѣстіемъ, которое, какъ онъ полагалъ, должно было повлечь за собою перемиріе. Это было извѣстіе о совершившемся въ Стокгольмѣ государственномъ переворотѣ, по которому Густавъ IV былъ свергнутъ съ престола, а на дѣдъ его, герцогъ Карлъ Зюдермайландскій провозглашенъ регентомъ. Багратіонъ отправилъ парламентера къ главнокомандующему, а самъ продолжалъ движеніе. Затѣмъ, 4-го (16-го) марта, въ главную квартиру приѣхалъ и командовавшій на Аландскихъ островахъ шведскій генералъ Дебельнъ, съ предложеніемъ открыть мирные переговоры, причемъ онъ изъявилъ готовность уступить Аландскіе острова. Но графъ Аракчеевъ этимъ не удовольствовался; онъ потребовалъ, чтобы шведскія войска сдались военно-плѣнными и, получивъ отказъ, послалъ приказаніе Багратіону настойчиво преслѣдовывать отходившихъ шведовъ и стараться отрѣзать имъ отступленіе.

Непріятельскія войска, занимавшія Аландскіе острова, состояли изъ 12-ти слабыхъ баталіоновъ, въ которыхъ считалось около 5,000 человѣкъ; затѣмъ было еще до 4,000 вооруженныхъ крестьянъ, распущенныхъ, впрочемъ, при открытии переговоровъ. Начавъ отступленіе при первомъ неявленіи русскихъ колоннъ, шведы ускорили теперь движеніе, взявъ съ собою или уничтоживъ находившіеся на островахъ боевые и жизненные припасы. Тѣмъ не менѣе, аріергардъ ихъ былъ настигнутъ Кульевымъ, которому удалось отрѣзать и взять въ изѣнь баталіонъ шведской гвардіи и два орудія. Между тѣмъ, колонны Багратиона, нигдѣ не встрѣтившія сопротивленія, овладѣли островами и захватили при этомъ множество отставшихъ командъ и брошенныхъ орудій. Всего въ этотъ день было взято около 2,000 плѣнными и до 10 различного рода орудій³⁾.

¹⁾ Донесеніе генерала Кнорринга отъ 1-го февраля.

²⁾ Слѣдуетъ однако же заметить, что столь удовлетворительные результаты не могли бы быть достигнуты въ восемь дней, если бы они не были подготовлены прецессировавшими распоряженіями.

³⁾ Письмо графа Шувалова къ Баркаю-де-Толли отъ 24-го февраля.

¹⁾ Неизменными условиями мира должны были быть: уступка Финляндіи и закрытие шведскихъ гаваней англичанамъ.

²⁾ Записка генерала Ф. Ф. Шуберта.

³⁾ «Исторія царствованія Императора Александра I», т. II, стр. 398.

Съ занятіемъ Аланскихъ острововъ было положено основаніе къ достижению главной цѣли—перенесенію оружія на противоположный берегъ. Однако же, на смѣлый шагъ этотъ генералы наши не рѣшились, хотя одинъ только переходъ отдалъ ихъ отъ Швеціи и движение сильного корпуса къ столицѣ въ это именно время, т. е. непосредственно послѣ прошедшій въ ней революціи, вынудило бы, по всей вѣроятности, новое правительство къ немедленному заключенію мира. Впрочемъ, не должно забывать, что по операционному плану предполагалось дѣйствовать противъ Стокгольма тремя корпусами совокупно, а это давало главнокомандующему основаніе отложить переходъ черезъ Алангсгафъ на такой срокъ, когда движение польду сдѣлалось невозможнымъ. Что же касается графа Аракчеева, имѣвшаго полномочіе приказывать именемъ Государя, то и онъ не пожелалъ взять на свою отвѣтственность операцию, о пользѣ которой, однако, самъ писалъ Императору Александру¹⁾; онъ ограничился отправленіемъ въ Грissельгамъ небольшого кавалерійскаго отряда, съ назначеніемъ удостовѣриться въ крѣпости льда и развѣдать о расположении непріятеля. Порученіе это было возложено на Кульниева.

Имя Кульниева сдѣлалось столь популярнымъ, что нельзя не сказать здѣсь пѣсколько словъ объ этой замѣчательной личности. Кульниевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, представляя собою извѣстный типъ, пріобрѣтаютъ популярность гораздо легче другихъ, имѣющихъ, оказанными услугами, болѣе на нее права. Онъ вооплощалъ въ себѣ всѣ качества боевого человѣка и лихого передового начальника—смѣливаго, отважнаго, храбраго, бдительнаго, и отличался притомъ добрымъ сердцемъ, уживчивымъ характеромъ, великодушiemъ и гостепріимствомъ. Служа подъ начальствомъ Суворова, онъ усвоилъ себѣ пѣкоторыя особенности великаго полководца и напоминалъ его своими быстрыми переходами, оригиналными приказами, характеристическими поговорками и странными причудами. Война была его элементомъ и онъ, какъ самъ говорилъ, особенно любилъ Россію за то, что въ ней «всегда въ какомъ нибудь углу дерутся». Свободное отъ болѣзня онъ охотно удѣлялъ заготовленію наливокъ и закусокъ, составлявшихъ единственную роскошь его солдатскаго обѣда, къ которому, однакожъ, онъ звалъ всѣхъ желавшихъ прийти «съ собственнымъ приборомъ». Часть своего жалованья онъ посыпалъ дрихлой

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе войны», стр. 339.

матери, а потому и ментикъ его быть спинть изъ солдатскаго сукна съ гарусными шнурками; впрочемъ, говорить онъ, «бѣдность не порокъ, горжусь бѣдностью». Ермолка, а иногда и финская шапка служили ему головнымъ уборомъ. Но въ авангардѣ, въ передовыхъ войскахъ, Кульниевъ былъ всегда на своемъ мѣстѣ—настигая непріятеля при быстромъ преслѣдованіи, слѣдя за нимъ днемъ и ночью, оберегая своихъ отъ нечаянныхъ нападеній и обходовъ, и все это безъ устали и безъ покоя. Ему-то, уже командовавшему въ Финляндіи головными отрядами Раевскаго, Тучкова, Каменскаго и Багратіона, поручено было перейти на шведскій берегъ. Какъ онъ самъ отнесся къ этому предпріятію, всего лучше усматривается изъ отданиаго имъ приказа: «Богъ съ нами, и передъ вами, князь Багратіонъ за вами. Въ полночь, въ 2 часа собраться у мельницы. Походъ до шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды ваши. Сіи волны—истинная награда, честь и слава бессмертная! Имѣть съ собою по двѣ чарки водки на человѣка, кусокъ мяса, хлѣба и по два гарица овса. Море не страшно кто уповаешь на Бога. Отдыхайте товарищи!»¹⁾.

За пѣсколько часовъ до разсвѣта 7-го (19-го) марта, отрядъ Кульниева—три эскадрона Гродненскихъ гусаръ и три сотни казаковъ, выступивъ съ острова Сигналмери и двинулся впередъ, по сѣжимъ слѣдамъ отступившихъ шведовъ. Послѣ восьми-часового движения русскій генералъ и его сподвижники завидѣли скандианскій берегъ, впереди которого была выстроена непріятельская пѣхота. Не теряя времени, Кульниевъ атаковалъ ее и опрокинулъ, взявъ до 80-ти человѣкъ въ плѣнъ; затѣмъ, спѣшивъ казаковъ, онъ овладѣлъ лѣсомъ и утесами на берегу, оттеснивъ противника къ Стокгольмской дорогѣ и занять мѣстечко Грissельгамъ. Появление русскаго отряда въ 100 верстахъ отъ столицы не могло не произвести большой тревоги; но, къ сожалѣнію, она продолжалась недолго: уже на слѣдующій день Кульниевъ получилъ приказаніе возвратиться и примкнуть къ корпусу. Приказаніе это было вызвано опасеніемъ главнокомандующаго лишиться благопріятнаго случая къ заключенію мира, переговоры о которомъ были предло-

¹⁾ По окончаніи Шведской войны Кульниевъ принималъ дѣятельное участіе въ турецкой кампаніи Каменскаго, а заѣмъ, въ 1812 году, въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ графа Витгенштейна. Клинцовское сраженіе доставило ему послѣдний случай выказать свою храбрость и распорядительность: на другой день послѣ победы, 20-го іюла, непріятельское адро оторвало ему обѣ ноги и онъ умеръ, не произнесши болѣе ни слова.

жены противникомъ 7-го (19-го) числа, съ условіемъ, чтобы наши войска не вступали на территорію королевства. Но этой же причинѣ отмѣна прежніхъ приказаний была отправлена и къ Барклай, и притомъ, для большей еще вѣрности, двумя путями: шведскимъ и финляндскимъ берегомъ. Такова уступка, сдѣланныя, какъ доносилъ Аракчеевъ, изъ опасенія раздражить шведовъ¹⁾, не могла не уничтожить плоды понесенныхъ жертвъ, тѣмъ болѣе, что уже 8-го (20-го) числа войска Абсбургского корпуса предприняли обратный походъ въ Финляндію и на Аландъ оставленъ быть лишь небольшой отрядъ генераль-маіора Кніппера. И дѣйствительно, когда словесные переговоры уже были окончены, Аракчеевъ и Кноррингъ получили неожиданное извѣстіе, «что герцогъ Зюдерландскій, хотя и весьма желаетъ прекращенія войны, однако-же, не иначе откроетъ переговоры, какъ для заключенія общаго мира»²⁾. Но не только заключеніе мира, даже перемирие, уже окончательно установленное, встрѣтило, къ немалому смущенію главнокомандующаго, неожиданныя затрудненія³⁾: оно было утверждено регентомъ и могло считаться дѣйствительно заключеннымъ только недѣлею позже⁴⁾. Но всей вѣроятности и этого никакой результатъ былъ послѣствиемъ полученного тогда въ Стокгольмѣ извѣстія о внезапномъ прибытіи въ г. Умео значительныхъ русскихъ силъ, ибо въ то самое время, когда Багратіонъ возвращался съ Аландскихъ острововъ, Барклай-де-Толли совершилъ извѣстный въ военной исторіи переходъ черезъ Кваркенъ.

Барклай, какъ было сказано, пользовался уже въ то время репутациею храбраго и искуснаго генерала: въ арміи и въ обществѣ имъ его произносилось съ уваженіемъ, и даже будущіе враги его—Багратіонъ, Беннигсенъ, Аракчеевъ—находились тогда въ числѣ особенныхъ его почитателей. Выведеній изъ неизвѣстности подвигами послѣдней войны, онъ уже стоялъ на пути къ той высотѣ, которой ему суждено было достигнуть въ изумительно короткое время. Ему было тогда 46 лѣтъ, но на видъ онъ казался старѣе, чemu не мало способствовали страданія во время продолжительного лечения раны. Страданія эти никогда, впрочемъ, не покидали его совершенно; раненою рукой владѣть свободно онъ

¹⁾ Донесеніе графа Аракчеева отъ 7-го марта. ²⁾ Исторія царствованія Императора Александра I, т. II, стр. 406. ³⁾ Декларациія полковника Лагербринга отъ 9-го (21-го) марта. ⁴⁾ Письмо графа Бахмайстера, съ препровожденіемъ проекта акта, отъ 11-го (23-го) марта и донесеніе генерала Кнорринга отъ 14-го марта.

болѣе не могъ и, даже по снятіи повязки, долженъ быть всегда искать для нея подпоры или поддерживать ее лѣвой рукою: садиться на лошадь онъ также не могъ безъ посторонней помощи. Блѣдное, продолговатое лицо его имѣло серьезное и нѣсколько задумчивое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенно доброе выраженіе; раниія морщины лежали посреди открытаго, высокаго лба, обнаруживавшаго силу воли и глубину мысли. Барклай былъ высокаго роста и держался прямо; во всей наружности его проявлялась нѣкоторая величавость, которая становилась поразительной въ бою, когда, среди опасности и общаго волненія, онъ неподвижно сидѣлъ на конѣ, спокойно слѣдилъ за ходомъ дѣла и хладнокровно отдавалъ приказанія; въ такія минуты онъ винилъ окружающимъ невольное удовлетвореніе, и, какъ выражался одинъ изъ его адъютантовъ¹⁾, имъ ни за что казалось, что неподвижная его фигура растѣтъ на ихъ глаза²⁾.

Въ обращеніи своемъ Барклай былъ простъ, вѣжливъ со всѣми и ласковъ съ подчиненными³⁾; но вообще онъ держался нѣсколько особнякомъ и рѣдко съ кѣмъ сближался. Несообщительность, лежавшая въ его характерѣ, сдѣлалась еще замѣтнѣе послѣ событий 1812 года, и справедливо выразился одинъ изъ его современниковъ, сказавъ, что Барклай, «ненавидимый всею Россіею, оскорбленный и осмѣянный, никогда, ни однимъ словомъ неудовольствія или оправданія не выразилъ того, что у него было на душѣ, и когда его невинность и высокія заслуги были признаны, онъ никогда о нихъ не говорилъ»⁴⁾. Дѣйствительно, если бы письма его къ женѣ не сохранились, то осталась бы навсегда скрытою та внутренняя борьба, которую онъ испытывалъ въ тяжкій годъ Отечественной войны. Съ приближенными Барклай не былъ фамиліаренъ, но принималъ въ нихъ самое теплое участіе. «Во время сраженія», разсказываетъ Левенштернъ⁴⁾, «когда глаза его зорко слѣдили за ходомъ боя, онъ не замѣчалъ пуль, наносившихъ тяжелыя и смертельные раны окружавшимъ его и близкимъ ему лицамъ; но вслѣдъ за тѣмъ, онъ снова обращался въ заботливаго

¹⁾ Левенштернъ. «Denkwürdigkeiten eines Livländers», ч. I, стр. 227.

²⁾ Въ первыхъ числахъ мая 1808 года И. П. Линранди, жившійся къ нему по случаю назначенія колониовожатымъ, записалъ въ своеъ дневникъ: «Не видавъ до сего времени боевыхъ генераловъ, и былъ пораженъ простотою и вѣжливостью, внушенными какое-то особенное уваженіе». ³⁾ Автобіографическая записка Егора Федоровича фон Браде. ⁴⁾ «Denkwürdigkeiten eines Livländers», ч. I, стр. 231.

начальника, принимавшаго близко къ сердцу страданія своихъ подчиненныхъ». Солдатъ онъ любилъ, имѣть о нихъ самое тщательное попеченіе и никогда не употреблять противъ нихъ бранныхъ словъ¹⁾; неумолимъ онъ былъ только въ случаяхъ нарушенія дисциплины и нанесенія обиды жителямъ. Замѣчательно, что и въ этомъ отношеніи клевета его не пощадила. Его обвиняли въ супровости и жестокости, тогда какъ онъ обнаруживалъ необыкновенную кротость, гдѣ только она не могла причинить вреда. Когда, по смерти его, 1-я армія поступила подъ начальство фельдмаршала Сакена, тогда только познали, что значитъ строгость и искренно раскаивались въ взведенныхъ на прежнаго начальника обвиненіяхъ²⁾. Любовь его къ солдатамъ, о которой такъ живо свидѣтельствуютъ иѣкоторые мѣста изъ его дневника, выразилась также различными мѣрами къ улучшенію ихъ быта и къ лучшему съ ними обращенію; объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуется и въ отчетѣ князя Воронцова, представлениемъ Императору Александру уже послѣ смерти Барклай, по возвращеніи изъ Франціи войскъ, остававшихся тамъ съ 1815 по 1818 г. «Съ самаго вступленія Вашего Императорскаго Величества на престоль», доноситъ князь Воронцовъ, «изданы инспекторамъ и другимъ начальникамъ войскъ правила кротости и человѣколюбія къ обхожденію съ нижними чинами, чѣму покойный фельдмаршаль князь Барклай-де-Толли весьма много содѣствовалъ». Заботливость его распространялась и на офицеровъ, положеніе которыхъ, весьма мало обезнеченнное, вызывало его сочувствіе. Въ одной изъ записокъ, поданныхъ имъ Государю, было сказано: «Необходимо улучшить судьбу нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, имѣющихъ худшее положеніе нежели солдаты, ибо для послѣднихъ требуется лишь лучшее обращеніе, т. е., чтобы ихъ считали людьми, одаренными чувствами и патріотизмомъ, если таковой не подавленъ наложными ударами³⁾». Барклай былъ строгъ по службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно справедливъ; къ молодежи онъ еще относился синиходительно, но отъ начальниковъ требовалъ серьезнаго исполненія обязанностей. Онъ

¹⁾ Воспоминанія Булагарина. ²⁾ Автобіографическія записки Егора Федоровича ф. Браде. ³⁾ Записка, представляемая Барклаемъ Императору Александру 22-го января 1812 года. «Il faut ameliorer le sort de nos officiers et bas-officiers, qui sont vraiment plus mal à leur aise que nos soldats, car pour ces derniers il ne leur faut qu'un meilleur traitement, c'est-à-dire qu'on les croye hommes doués de sentiments et de patriotisme, si ce dernier n'est pas éteint par des coups de baton».

не любилъ многословія, а въ особенности хвастовства: фанфаронство презиралъ, малую удачу не цѣнилъ, а запальчивой храбрости всегда предпочиталъ спокойное мужество. Образъ жизни и привычками онъ отличался отъ своихъ современниковъ не менѣе, нежели свойствами характера.

Не имѣя состоянія, Барклай долженъ былъ жить весьма скромно, но онъ не находилъ въ этомъ лишенія. Не позволяя себѣ роскоши и не чувствуя въ ней потребности, онъ однажды былъ радушнымъ хозяиномъ: въ домѣ его не встречалось, конечно, того широкаго раздолья, которое составляло тогда, въ глазахъ многихъ, какъ бы необходимую принадлежность высокаго званія, но онъ находилъ удовольствіе видѣть за своимъ столомъ сослуживцевъ и подчиненныхъ и прислушиваться за обѣдомъ къ сужденіямъ молодежи: въ разговорахъ этихъ онъ самъ большого участія не принималъ, но слѣдилъ за ними и выражалъ свое сопутствіе одобрительными улыбками¹⁾. Вообще онъ любилъ простоту, считать книги и занятія лучшимъ развлеченіемъ и находилъ въ семейной жизни и въ исполненіи долга полное довольство. Чтеніе въ особенности составляло для него потребность, и въ книгахъ онъ дѣлалъ обыкновенно свои помѣтки; до какой степени онъ къ нимъ былъ привязанъ, усматривается, между прочимъ, изъ его письма къ женѣ, отправленнаго въ 1812 г. изъ Тулы, когда, страдая тѣломъ и душою, онъ удалился отъ арміи и ждалъ отставки. «Я ни на что болѣе не разсчитываю», писалъ онъ ей 1-го октября, «даже ни на то, чтобы 40-лѣтнія, честная моя служба была прията во вниманіе — готовясь къ уединенному и скучному образу жизни, прорай все, что ты сочешь излишнимъ, но сохрани только мою библіотеку, собраніе картъ и рукописи въ моемъ бюро. Человѣку немнogo нужно и даже съ ничтожными средствами онъ можетъ быть счастливъ, лишь бы у него сердце было спокойно и достало духу возвыситься надъ дрягами ежедневной жизни». Възрѣнія Барклайя мало соответствовали понятіямъ тогданиаго времени, когда блестящая поверхность и пышныя фразы имѣли большое значеніе и открывали дорогу. Не удивительно поэтому, что даже остроумный Ермоловъ составилъ далеко не вѣрную его характеристику. «Барклай-де-Толли», говорить онъ, «половкій у двора, не расположить къ себѣ людей близкихъ къ Государю; холодностью обращенія неискать пріязни равныхъ, ни при-

¹⁾ Изъ разсказовъ И. И. Липранда.

верженности подчиненныхъ. До звѣщенія въ чины имѣть состояніе весьма ограниченное, долженъ быть смирять желанія, стѣснять потребности. Такое состояніе, конечно, не препятствует стремлению души благородной, не погашает ума высокія дарованія; не бѣдность, однакожъ, даетъ способы явить ихъ въ приличнѣйшемъ видѣ, не дожидая сдѣлать обширныя связи, требующія нерѣдко взаимныхъ послугъ, иногда даже ножертвованій. Семейная жизнь не наполняла всего времени уединенія: жена не мѣода, не обладает прелестями, которыя могутъ долго удерживать въ нѣкоторомъ очарованіи, всѣ другія чувства покорая. Свободное время онъ употребилъ на полезныя занятія, обогатилъ себя познаніями. Ума образованаго, положительного, терпѣливъ въ трудахъ, заботливъ о вѣренномъ ему дѣлѣ, твердъ въ намѣреніяхъ, недоступенъ страху, не чуждый списходительности, внимательенъ къ трудамъ другихъ и т. д., словомъ, Барклай-де-Толли имѣеть недостатки, съ болѣею частью людей неразлучные; достоинства же и способности, украшающія весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ генераловъ». Изъ враговъ Барклая, Ермоловъ едва-ли не болѣе всѣхъ повредилъ ему въ 1812 году; но въ то время, когда онъ писалъ свои впечатлѣнія, чувства его къ прежнему начальнику давно уже измѣнились и онъ, быть можетъ, охотно заглядилъ бы прежнюю вину. Если и затѣмъ написанная имъ картина лишена сходства, то это доказывается только, что съ такими взглядами на жизнь, семейное счастіе и назначение человѣка, какіе имѣтъ Ермоловъ, нельзѧ было понять Барклая. Разгадать его могли лишь тѣ, которые не въ наслажденіяхъ искали задачу жизни, которые чувствовали, хотя бы безсознательно, что самоотверженіе есть высшая добродѣтель, а къ числу ихъ принадлежали не только нѣкоторые изъ окружавшихъ его и приближенныхъ къ нему лицъ, но и безчисленные простые воины, выдѣвшіе въ немъ осуществленіе этой истины.

Дѣйствительно, 3-й егерскій полкъ, по выражению Булгарина, обожалъ своего шефа ¹⁾, а армія 1812 года, не взирая на интриги и клевету, и несмотря на присутствіе нового главнокомандующаго, продолжала, въ великий день Бородина, призывать въ Барклай-де-Толли своего главнаго вождя и привѣтствовать его на полѣ битвы громкими криками: «ура» ²⁾)

¹⁾ «Воспоминанія», ч. IV, стр. 175. ²⁾ Михайловскій-Данилевскій. «Описаніе Отечественной войны 1812 года», ч. II, стр. 273.

Въ началѣ (половинѣ) февраля послѣдовало назначеніе Барклай-де-Толли командиромъ Вазаскаго корпуса, а вслѣдъ затѣмъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Або. Тамъ онъ долженъ былъ получить предписанія и инструкціи главнокомандующаго, которыхъ, однакожъ, генералъ Кноррингъ не рѣшался выдавать. Наконецъ, 19-го вечеромъ, ордеръ былъ доставленъ, но оказался, какъ выразился въ своемъ дневникѣ самъ Барклай, единственнымъ въ своемъ родѣ: «я долженъ былъ принять начальство надъ Вазаскимъ корпусомъ и приступить къ операциямъ согласно полученнымъ инструкціямъ; но таковыхъ мною получено не было, ни письменно, ни изустно. Такъ какъ въ ордерѣ было также упомянуто объ инструкціяхъ, отправленныхъ по этому же предмету моему предшественнику, то я поспѣшилъ отѣздомъ въ Вазу. Прибывъ туда 22-го утромъ, я тотчасъ же просилъ передать мнѣ означенныя инструкціи: каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что и князь Голицынъ ничего подобнаго не получалъ». Впослѣдствіи Кноррингъ оправдывался тѣмъ, что предположенные дѣйствія были известны Барклай-де-Толли уже въ Петербургѣ и что онъ имѣлъ при себѣ копію съ операционаго плана; но составленный въ Петербургѣ планъ заключалъ въ себѣ только общія мысли о предположенныхъ дѣйствіяхъ, тогда какъ всѣ распоряженія къ ихъ осуществлению должны были исходить отъ главнокомандующаго. Между тѣмъ, распоряженія эти не только не были сдѣланы, но и единственная инструкція, отправленная генераломъ Кноррингомъ въ свое время дополнительному ордерѣ, противорѣчила операционному плану; по послѣднему требовалось «со всѣми войсками тамъ (т. е. въ Швеціи) оставаться и по вскрытии водъ для дальнѣйшихъ операций» ¹⁾, а по инструкціи — «имѣть собственное и прилежащее наблюденіе, якобы открытие водъ не отняло способовъ сдѣлать войскамъ обратный переходъ» ²⁾). Подобное противорѣчіе хотя и должно было озабочить Барклай-де-Толли, однакожъ, впослѣдствіи выяснилось; но не то было, когда, ознакомившись въ Вазѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, онъ удостовѣрился не только въ невозможности немедленнаго выступленія, но и въ томъ, что нѣкоторыя изъ требованій операционаго плана, отчасти важнѣйшія и относившіяся къ силѣ экспедиціоннаго отряда и снабженію его продовольствіемъ, не были учтены.

¹⁾ Донесеніе генерала Барклай-де-Толли отъ 25-го февраля и 1-го марта, №№ 5 и 11.

²⁾ Предписаніе генерала Кнорринга отъ 22-го февраля, № 29.
T. CCLIV.—Отд. I

ствіемъ, вовсе не могли быть исполнены. Провіантскіе магазины были пусты, а транспорты, отправленные для ихъ пополненія, остановились у Алаво, въ 120 верстахъ отъ Вазы, и не могли, по недостатку перевозочныхъ средствъ, слѣдовать далѣе; денегъ также не имѣлось и до получения таковыхъ нельзя было даже купить хлѣба, если бы на то и представилась возможность: сухарей совсѣмъ не было заготовлено. При корпусѣ, назначенному совершилъ походъ по открытому морю, гдѣ сухопутное движение, подобно морскому плаванію, было возможно лишь съ помощью компаса, не находилось офицера квартирмейстерской части: въ штабѣ этого корпуса не нашлось ни одной карты. Наконецъ—и это было главнымъ препятствиемъ—для предписаннаго предпріятія предоставало войскъ. Въ Вазаскомъ корпусѣ, по отбытии частей, посланныхъ въ Або, оставалось всего пять двухбаталіонныхъ полковъ¹⁾, въ которыхъ считалось около 5,500 человѣкъ²⁾, по изъ нихъ только три полка, Лейбъ-гренадерскій, Полоцкій и Тульскій, могли быть въ короткое время сосредоточены: другіе два, Навагинскій и 25-й егерскій, находились еще: первый — въ Гамле-Карлебю, а послѣдній — за Тамерфорсомъ и прибывали въ Вазу не ранѣе 8-го (20-го) и 15-го (27-го) марта. Еще менѣе можно было разсчитывать на войска, отправленныя въ Вазу изъ Улеаборгскаго корпуса: Пермскій, Тенгинскій и 24-й егерскій полки; прибытие ихъ ожидалось только во второй половинѣ (въ концѣ) марта. Такимъ образомъ, оказалось возможнымъ собрать лишь около 3,000 человѣкъ, тогда какъ по операциональному плану требовалось «дѣйствовать съ корпусомъ, состоящимъ, по крайней мѣрѣ, изъ 8,000 человѣкъ»³⁾. Въ послѣдовавшей затѣмъ перепискѣ⁴⁾ упоминается также о 5,000, но и этого числа невозможно было собрать ранѣе половины марта. Барклай не замедлилъ довести обѣ этихъ обстоятельствахъ до свѣдѣнія главнокомандующаго и надѣялся получить разрѣшеніе

¹⁾ Изъ Вазаскаго корпуса поступили въ Абоскій слѣдующія части: Лейбъ-гвардія Преображенскій, Измайловскій и Егерскій баталіоны, Кексгольмскій, Рязанскій, Бѣлозерскій и 1-й егерскій полки, всего 11 баталіоновъ. Затѣмъ остались полки: Лейбъ-гренадерскій, Тульскій, Полоцкій и Навагинскій мушкетерскій и 25-й егерскій; всего 10 баталіоновъ.

²⁾ По донесенію Кнорринга отъ 1-го февраля, въ корпусѣ оставалось 5,602 строевыхъ, а въ рапортѣ Барклая отъ 22-го февраля, о состояніи Вазаскаго корпуса, показано 5,468 рядовыхъ.

³⁾ Донесеніе Барклай-де-Толли отъ 25-го февраля, № 5 и 1-го марта, № 1..

⁴⁾ Донесеніе Барклая отъ 23-го февраля, № 3 и предписаніе графа Аракчеева отъ 26-го февраля, № 29.

піе предпринять экспедицію съ тѣми шестью баталіонами, которые находились подъ рукою¹⁾). Въ то же время онъ энергически принялъся за приготовленія къ походу. Войскамъ было послано приказаніе ускорить движение; военные чиновники были отправлены въ разныя стороны для отысканія зернового хлѣба; во всѣхъ пекарняхъ, войсковыхъ и частныхъ, и во всѣхъ булочныхъ, городскихъ и окрестныхъ, было немедленно приступлено къ заготовленію сухарей²⁾). Дѣятельная работа продолжалась около недѣли, когда привезены были испрошенныя деньги: большая часть ихъ тотчасъ же поступила на покупку хлѣба. Вмѣстѣ съ ними прибыли и офицеры генерального штаба: генераль-маіоръ Бергъ³⁾ и поручикъ Кахановъ. Что же касается картъ, то генераль Кноррингъ отвѣчалъ: «карть не могу я къ вамъ доставить, ибо, кромѣ для себя собственно купленныхъ, не имѣю; но г. Бергъ своимъ, конечно, съ собою везетъ, которыми заимствоваться можете»⁴⁾. Однакожъ, по важнѣшему вопросу отвѣта не послѣдовало. Главнокомандующій настаивалъ на соблюденіи величайшей осторожности, военный министръ требовалъ скорѣйшаго выступленія, но ни тотъ, ни другой не бралъ на свою ответственность разрѣшенія, котораго Барклай ожидалъ со столь понятнымъ нетерпѣніемъ. И дѣйствительно, принять на себя эту ответственность было не легко, тѣмъ болѣе, что не задолго передъ тѣмъ войсковымъ старшиной Киселевымъ, посланнымъ княземъ Голицынымъ на рекогносцировку и дошедшемъ до острова Гадденъ, было доставлено извѣстіе объ усиленіи Умеоскаго гарнізона, состоявшаго изъ баталіона пѣхоты и отряда милиціи, вновь прибывшему бригадою Кронстедта. Между тѣмъ, приготовленія въ Вазѣ подходили къ концу и наступила минута, когда необходимо было решить: выждать ли прибытія прочихъ полковъ, дабы собрать силы, опредѣленныя операциональнымъ планомъ, или же, не теряя болѣе времени и пользуясь крѣпостью льда, двинуться съ собранными теперь войсками, хотя въ нихъ считалось съ небольшимъ только 3,000 человѣкъ? Барклай рѣшился на послѣднєе.

Въ военной литературѣ нашей Финляндская война, къ сожалѣнію, разработана весьма слабо и въ сущности однимъ только

¹⁾ Собственноручныя записки Барклая.

²⁾ Бурхардъ Максимовичъ, исправлявшій при Финляндской арміи должность генераль-квартирмейстера.

³⁾ Предписаніе главнокомандующаго отъ 26-го февраля.

Михайловскимъ-Данилевскимъ¹⁾; неудивительно поэтому, что и настоящий эпизодъ кампани 1809 года выставляется не только имъ, но и другими писателями, передающими лишь извлечения изъ его труда, въ томъ свѣтѣ, который казался нашему военному историографу наиболѣе соотвѣтствующимъ современнымъ ему требованіямъ. Такимъ образомъ въ «Описаніи Финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ» и во всѣхъ истекающихъ изъ него сочиненіяхъ²⁾, указывается на Багратіона, какъ на единственного корпуснаго командира, не сдѣлавшаго возраженія противъ предположеннаго похода³⁾, говорится о Барклай какъ объ одномъ изъ высшихъ начальниковъ, видѣвшихъ повсюду препятствія⁴⁾ и желавшихъ «отклонить отъ себя исполненіе отважнаго подвига»⁵⁾ и, наконецъ, приписывается «слава перенесенія русскихъ знаменъ на шведскій берегъ» Аракчееву, уничтожившему «однимъ почеркомъ пера затрудненія Барклая-де-Толли»⁶⁾ и пославшему «строжайшія предписанія немедленно ити отъ Вазы къ Умео»⁷⁾, по полученіи коихъ Барклай, «опасаясь вскрытия водъ Кваркенскаго пролива, не выждалъ сбора всѣхъ вѣрныхъ ему войскъ и рѣшился выступить съ тѣми, которыя были у него подъ рукою»⁸⁾. Хотя пѣкоты изъ этихъ сужденій, какъ, напримѣръ, послѣднее, опровергаются заключающимися въ нихъ противорѣчіями, однако же, нельзя ихъ оставить неизслѣдованными. Багратіонъ дѣйствительно одинъ только изъ корпусныхъ командировъ не возражалъ противъ полученного имъ предписанія; но онъ и не могъ возражать, по той простой причинѣ, что Аландскою экспедицію руководилъ не онъ, а главнокомандующій вмѣстѣ съ военнымъ министромъ, на которыхъ и падала вся отвѣтственность за несвоевременное возвращеніе Абоскаго корпуса. Къ тому же и не имѣлось никакого по-

¹⁾ «Описание Финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ». Другое сочиненіе объ этомъ предметѣ: «Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande» Сухтелена, заключаетъ въ себѣ интересный, но итакъ неповерхностный и вообще мало разработанный разсказъ военныхъ событий.

²⁾ Описание той же войны изъ военно-энциклопедическомъ лексиконѣ, изъ «Исторіи царствованія Императора Александра I», а наконецъ, и въ «Воспоминаніяхъ Будагина».

³⁾ «Описание Финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ», стр. 358. «Исторія царствованія Императора Александра I», т. II, стр. 395.

⁴⁾ «Описание Финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ», стр. 358. ⁵⁾ Тамъ же, стр. 362. ⁶⁾ Тамъ же, стр. 360. ⁷⁾ Тамъ же, стр. 396. ⁸⁾ «Исторія царствованія Императора Александра I», т. II, стр. 403.

вода къ возраженію, ибо войска этого корпуса были вдоволь снабжены всѣмъ нужнымъ. Князь Багратіонъ совершилъ столько геройскихъ подвиговъ, что, казалось бы, приобрѣть право быть огражденнымъ, даже со стороны историковъ-патріотовъ, отъ столь неумѣстной похвалы. Точно также справедливо, что Барклай сдѣлать самыя энергичныя представленія о безотрадномъ положеніи дѣлъ, не допускавшемъ и мысли немедленнаго выступленія въ экспедицію, для безотлагательнаго предпринятія которой онъ былъ присланъ. Но развѣ онъ не обязанъ былъ это сдѣлать, хотя бы для того, чтобы вынудить главнокомандующаго, насколько еще было возможно, къ содѣйствію? Барклай не могъ, конечно, получить въ отвѣтъ на свое донесеніе новые полки, но могъ и долженъ былъ получить приказаніе: идти ли съ собранными баталіонами, или же выжидать прибытія прочихъ войскъ, и тогда только приобрѣть право решить этотъ вопросъ по собственному усмотрѣнію, когда убѣдился, что лица, стоявшія во главѣ арміи, склоняются отъ его разрѣшенія; онъ не могъ также получить съ курьеромъ провіанта, но могъ и долженъ былъ получить деньги, офицеровъ генеральнаго штаба, карты, буссоли и т. п. Неужели ему слѣдовало отказаться отъ самаго необходимаго, для того только, чтобы не подать повода къ предположенію, будто онъ возражаетъ противъ Высочайше утвержденнаго плана и доставить будущему историографу возможность написать, что все было предусмотрѣно и приготовлено Аракчеевымъ.

Заслуги графа Аракчеева въ кампани 1808 и 1809 годовъ не могутъ не быть признаны. Въ продолженіи всѣхъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, Петербургъ служилъ главнымъ операционнымъ базисомъ, а потому, въ этой войнѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой, военное министерство могло своимъ административными распоряженіями непосредственно содѣйствовать главнокомандующему. Исполненіемъ этой задачи Аракчеевъ дѣйствительно оказалъ общему успѣху войны свою весьма значительную долю участія. Наконецъ, пріѣздомъ своимъ въ главную квартиру и выказанію имъ дѣятельностью онъ весьма много содѣйствовалъ къ осуществленію Аландской экспедиціи. Но отсюда до славы перенесенія русскихъ знаменъ на шведскій берегъ еще далеко. Аландская экспедиція дѣлаетъ честь войскамъ, ее совершившимъ, но не лицамъ, стоявшимъ во главѣ арміи, и если она осталась безъ результатовъ, то вина падаетъ еще болѣе на министра, снабженаго Императорскимъ полномочіемъ, нежели на главнокомандую-

щаго. Кноррингъ, по крайней мѣрѣ, откровенно высказывалъ, что считаетъ предпріятіе вреднымъ; Аракчеевъ же, проникнутый необходиностью двинуть Багратиона къ Стокгольму, не воспользовался, однако, предоставленными ему правами и допустилъ возвращеніе войскъ въ Або, испрашивая при этомъ, за 800 верстъ, Высочайшее повелѣніе на вступленіе въ Швецію. Впрочемъ, по словамъ самого Михайловскаго-Данилевскаго, Аракчеевъ не выказалъ «свойственной ему твердости»¹⁾, а между тѣмъ онъ доносилъ Императору о «худомъ желаніи отправиться въ Швецію»²⁾. Если отправленіе летучаго отряда въ Гриссельгамъ не могло доставить Аракчееву приписываемой ему «славы», то еще менѣе возможности имѣть онъ пріобрѣсти ее «уничтоженіемъ всѣхъ затрудненій Барклая однимъ почеркомъ пера». Предписаніе³⁾, къ которому эта фраза относится, заключаетъ въ себѣ указанія на имѣвшееся въ наличности и ожидавшееся еще количество муки, а также на пополненіе боевыхъ запасовъ изъ парка въ Гамле-Карлебю; по наличное количество муки Барклай было лучше известно, нежели Аракчееву, а ожидаемое лежало, какъ известно, въ Алаво; что же касается артилерійскаго парка, то онъ находился въ 140 верстахъ отъ Вазы и перевозка оттуда патроновъ требовала времени и подводъ⁴⁾. Графъ Аракчеевъ и самъ понималъ, что онъ не въ состояніи устранилъ затрудненій, представившихся въ Вазѣ; это ясно видно изъ упомянутыхъ нашими писателями «строжайшихъ предписаній», въ которыхъ онъ старается убѣдить Барклая къ склонѣнію выступленію совершиенно другими доводами. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, онъ пишетъ: «на счетъ объясненія вашего, что вами очень мало получено наставлений отъ главнокомандующаго, то генераль съ вашими достопачтвами въ оныхъ и нужды не имѣть; я почитаю нужнымъ сообщить вамъ, что Государь Императоръ къ 16-му марта прибудетъ въ новую Финляндію, въ г. Борго, то я увѣренъ, что вы постараетесь доставить къ Нему на сеймъ шведскія трофеи»⁵⁾. Въ другомъ же, такъ называемомъ, «строжай-

¹⁾ «Описание Финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ», стр. 389.

²⁾ Предписаніе графа Аракчеева отъ 26-го февраля № 29.

³⁾ Въ одномъ же предписаніи отъ 26-го февраля, послѣ указаній, выше разобраныхъ, сказано: «Поставя вамъ сіе на видъ, прошу вѣсть скорѣе и т. д.: Быть можетъ эти слова подали поводъ нашимъ писателямъ говорить о строгихъ предписаніяхъ Аракчеева; но кто знакомъ съ перепискою того времени, тотъ хорошо знаетъ, что они имѣютъ одинаковое значеніе съ принятыми нынѣ выраженіями: поставляя вѣсть обѣ этомъ въ известность, или довода обѣ этомъ до вашего сѣдѣнія и т. д.

⁴⁾ Предписаніе графа Аракчеева отъ 28-го февраля № 31.

шемъ предписаній» читаемъ: «Всемилостивѣйшій панъ Государь Императоръ желаетъ, дабы я сообщилъ вашему превосходительству мысль Его Величества, что онъ никого лучше не могъ избрать къ экспедиціи вамъ предназначенній, какъ васъ, и я изъ особаго къ вашему превосходительству уваженія все письмо Всемилостивѣйшаго нашего Государя въ кошіи у сего вамъ сообщаю. Послѣ онаго мнѣ, конечно, непростительно уже вѣсть попуждать къ экспедиціи вамъ назначенній, но только бы слѣдовало увѣритъ Государя Императора, что вы не упустите все возможное исполнить: надѣюсь, однакожъ, что ваше превосходительство бывъ известны о моей преданности нашему Государю, извините меня въ моихъ повтореніяхъ касательно скорѣйшаго перехода черезъ Кваркенъ и позволите сдѣлать и моя разсужденія сходно съ желаніемъ и волею Государя... Предписаніе сіе заключаю я опять мою къ вамъ откровенностию, основанною можетъ быть на пылкомъ воображеніи тщеславія; но въ военномъ ремеслѣ оно одно есть выше всѣхъ существующихъ наградъ. На сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ Кваркена съ войсками провидѣніе предоставляетъ одному Барклайде-Толлию»¹⁾. Что же касается письма, кошія съ котораго была приложена Аракчеевымъ съ видимымъ желаніемъ увлечь Барклая, то Императоръ Александръ выражаетъ въ немъ надежду, что Вазскій и Улеаборгскій корпуса, по ихъ соединеніи, будутъ «довольно сильны, чтобы держаться на шведской сторонѣ, а можетъ быть и податься впередъ, въ особенности подъ командою известнаго генерала Барклайде-Толли»²⁾. Но Барклай не нуждался въ подобныхъ побужденіяхъ для исполненія своего долга. Въ то время, когда ни одно изъ означенныхъ предписаній не успѣло еще достигнуть Вазы—и этого достаточно, чтобы превратить всѣ обвиненія въ ничто—онъ, какъ сейчасъ видимъ, уже обозрѣвалъ ледяную пустыню, по которой предстояло вести войска, и тамъ, посреди самого Кваркена, принять твердое рѣшеніе, не теряя времени, перейти море.

Часть Ботническаго залива, отдѣляющая Вазу отъ Умео и называемая обыкновенно Кваркеномъ, имѣть около 100 верстъ ширины. Близъ обоихъ береговъ находятся куны острововъ, состоящихъ, за малыми исключеніями, изъ голыхъ скалъ; обитаемы

¹⁾ Предписаніе графа Аракчеева отъ 2-го марта, № 33.

²⁾ Письмо Императора Александра къ графу Аракчееву отъ 23-го февраля.

изъ нихъ: со стороны Финляндіи—Ренплоть, Вальгрунда и Біркэ, а со стороны Швеціи — Голмэ. Изъ прочихъ островковъ, покрытыхъ камельями, а иногда и рѣдкимъ кустарникомъ, могутъ быть названы: у восточного берега — Лаппъ-Эренъ и скалистая группа Валсъ-Эрарь, а у западнаго — Гаддентъ, съ маякомъ, Гросгрунъ и Энгесъ. Острова той и другой стороны раздѣлены между собою пространствомъ, которому собственно и принадлежить название Кваркенъ; ширина его, если считать между обитаемыми островами, составляетъ около 50-ти верстъ. Затѣмъ проливъ, отдѣляющей островъ Голмэ отъ шведскаго берега и имѣющій до 12-ти верстъ ширины, называется Вестъ-Кваркеномъ. Плаваніе по Кваркену, по множеству отмелей и подводныхъ скадъ, затруднительно. Зимний же путь по льду весьма опасенъ: сильныя бури нерѣдко разламываютъ ледъ посреди зимы, разбрасываютъ его огромными глыбами по поверхности или уносятъ въ море, и разрушаютъ совершенно неожиданно и при сильной стужѣ самое надежное, новицкому, сообщеніе; въ продолженіи описываемой зимы это явленіе уже два раза повторялось. Но еще болѣе опасности представляютъ широкія полыни и трещины, прикрытыя паноснымъ снѣгомъ, подъ которымъ струятся невидимыя глазу волны.

Зимняя дорога, если только можно назвать таковою небольшой слѣдъ, оставляемый отъ времени до времени крестьянскими дровнями, проходитъ обыкновенно отъ Вазы, мимо острова Ренплота, па Біркэ; затѣмъ прямо на Голмэ, а оттуда черезъ Эстнесъ—ничтожная деревушка на шведскомъ берегу — въ дер. Тефте, лежащую уже на большой дорогѣ изъ Торнео въ Умео, въ 13-ти верстахъ отъ послѣдняго города. Длина этого пути составляетъ отъ 110 до 115 верстъ. По этой-то дорогѣ отиравился въ послѣдній день февраля (12-го марта) 1809 г. Барклай-де-Толли, для личнаго обозрѣнія Кваркена; о произведенной имъ рекогносцировкѣ мы находимъ въ его дневникѣ слѣдующія замѣтки: «Отъ послѣдняго обитаемаго острова Біркэ, отдаленнаго отъ Вазы на 45 верстъ, я проѣхалъ еще 25 верстъ и нашелъ тамъ ледъ взгроможденнымъ волнообразно, такъ что для прохода войскъ необходимо должна быть проложена дорога. Ледъ показался мнѣ достаточно твердымъ для предпринимаемой экспедиціи, но жители полагаютъ, что это состояніе продолжится недолго; тогда я на мѣстѣ принялъ рѣшеніе совершить переходъ съ тѣми войсками, которыхъ totчасъ могутъ быть собраны и въ которыхъ считается немногимъ болѣе 3,000 человѣкъ».

По возвращеніи съ рекогносцировки Барклай засталъ въ Вазѣ офицеровъ генерального штаба, пріѣхавшихъ, какъ известно, съ деньгами и съ тѣмъ самымъ предписаніемъ, отъ котораго ожидалось разрешеніе важнѣйшихъ вопросовъ относительно экспедиціи. «Но въ этомъ ордерѣ», читаемъ мы далѣе въ журналѣ Барклай, «главнокомандующій только слегка коснулся сдѣланныхъ мною представлений и отвѣтилъ на нихъ пустыми словами; онъ казался даже обиженнымъ мою просьбою о доставленіи точнаго и рѣшительнаго указанія,—это еще яснѣе усматривается изъ его частнаго письма, приложеннаго къ предписанію. Я отвѣтилъ ему въ такомъ тонѣ, какъ того заслуживаютъ его двухсмысленные выраженія». Затѣмъ, стали прибывать одно за другимъ вышеупомянутые предписанія Аракчеева. «Прошу Ваше Сиятельство быть увѣреннымъ», писалъ тогда Барклай военному министру, «что я славу Россійскаго оружія не помрачу. Какъ буду имѣть продовольствіе, то все можете отъ меня ожидать»¹⁾. Но изъ этихъ предписаній оказывалось, что вопреки инструкціи генерала Кнорринга о своевременномъ возвращеніи войскъ по льду, намѣреніе утвердиться на противоположномъ берегу и продолжать дѣйствія послѣ вскрытия моря, вовсе не было покинуто. «Отсюда проистекала необходимость найти и собрать для экспедиціи новые средства», замѣтилъ Барклай по этому поводу въ своемъ дневнике и поспѣшилъ повторить свои прежнія распоряженія: полкамъ, прибывшимъ съ сѣвера и юга, было еще разъ послано приказаніе форсировать маршъ; снова были командированы чиновники для отысканія хлѣба, пекарень и сушилень; опять было сдѣлано представление о необходимости доставить запасы въ Якобстадтъ, Гамле-Карлебю, Брагестадтъ и Улеаборгъ, «дабы», какъ въ немъ сказано, «по открытіи водъ, изъ всѣхъ сихъ мѣстъ можно было отправлять провантъ, и если бы одинъ транспортъ попался въ руки непріятеля, то другіе могли бы дойти до назначенія»²⁾. Вскорѣ день выступленія могъ быть назначенъ, и Барклай послалъ тогда курьера къ графу Шувалову, съ извѣщеніемъ о предстоящемъ походѣ и своемъ намѣреніи соединиться съ Улеаборгскимъ корпусомъ въ окрестностяхъ Умео³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, войскамъ экспедиціоннаго отряда было дано приказаніе прибыть 5-го (17-го) и 6-го (18-го) марта на островъ Біркэ, назначенный сборнымъ пунк-

¹⁾ Письмо Барклай-де-Толли отъ 4-го марта. ²⁾ То же. ³⁾ Донесеніе Барклай-де-Толли главнокомандующему отъ 4-го марта.

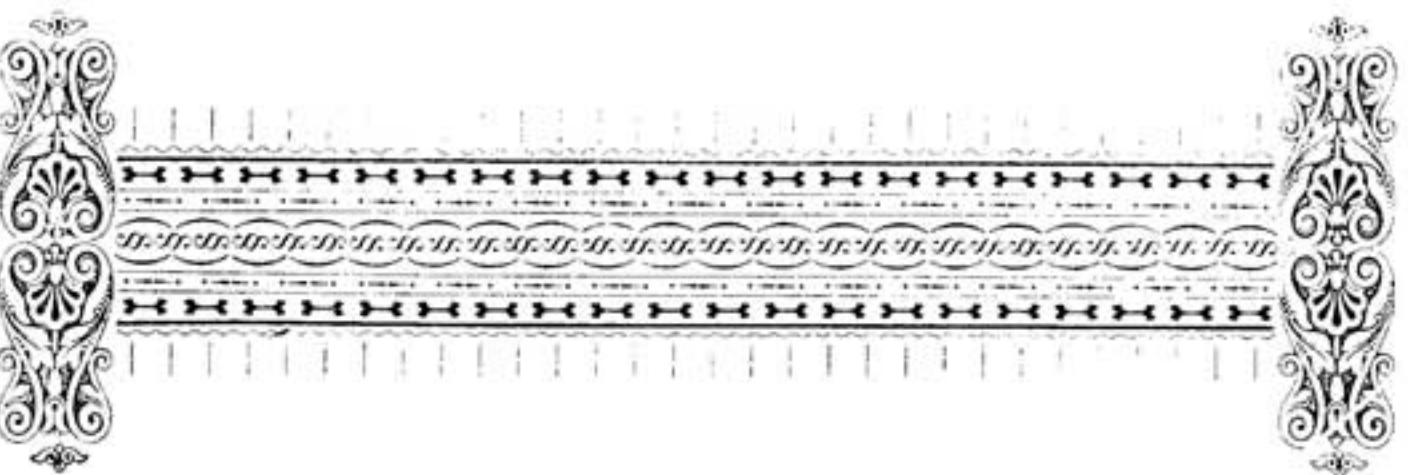
тому¹⁾). Ближайшиe же къ берегу острова уже 2-го (14-го) числа были заняты баталіономъ Полоцкаго полка и сотнею казаковъ, причемъ командишу Донскаго полка, полковнику Киселеву, было поручено выставить кордонъ для прекращенія всякаго сообщенія между Швеціею и Финляндіею¹⁾). Въ Вазѣ, между тѣмъ, было оставлено только 30 казаковъ и этимъ гарнизономъ пришлось ограничиться до прибытія новыхъ полковъ. Уѣзжая оттуда, Барклай возложилъ всѣ дальнѣйшія распоряженія на генераль-маіора Лобанова и далъ ему инструкцію относительно послѣдовательнаго отправленія черезъ Кваркенъ транспортовъ съ продовольствіемъ и ожидавшихся войскъ, предназначенныхъ къ усиленію экспедиціоннаго отряда. На основаніи этого предписанія Навагинскій, Тенгинскій, 24-й и 25-й егерскіе полки должны были слѣдовать въ Умео, а на Пермскій полкъ зазлагалось занятіе Вазы и прилегающихъ острововъ.

Ф. П. Сѣ—нъ.

(Окончаніе будетъ).

²⁾ Дневникъ Барклай.—Журналъ движенія войскъ генераль-лейтенанта Еарь-зап-де-Толли для экспедиціи черезъ Кваркенъ.

Зимняя экспедиция 1809 года через Кваркенъ.

Отрывокъ изъ неизданного сочиненія: „Генераль-фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли“.

Ф. П. В - на.

(Окончаніе) ¹⁾.

Собраныя для экспедиціи ²⁾ войска состояли изъ полковъ: лейбъ-grenадерскаго, Полоцкаго и Тульскаго, трехъ сотень казачьяго Киселева и шести легкихъ орудій 17-ї артилерійской бригады; (всего шесть баталіоновъ, 250 казаковъ и шесть орудій, численностью около 3,200 человѣкъ). Войска эти были раздѣлены на два отдѣлія; въ первое, подъ начальствомъ полковника Филисова, были назначены оба баталіона Полоцкаго полка, одна сотня казаковъ и два орудія; всѣ прочія части вошли въ составъ 2-го отдѣлія, порученнаго генераль-маюру Бергу. Нижнимъ чинамъ было приказано имѣть при себѣ сухарей на четыре дня, по куску мяса и по одной парѣ шерстяныхъ чулковъ; затѣмъ, войска должны были запастись изъ учрежденного въ Біеркѣ магазина 10-ти дневнымъ сухарнымъ провіантомъ и фуражемъ на 4—5 дней. Обозъ былъ ограниченъ патронными ящики, положенными, вмѣстѣ со снятыми съ нихъ колесами, на дровши,

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 7.

²⁾ Всѣ свѣдѣнія, до экспедиціи относящіяся, извлечены изъ дневника Барклая, его диспозицій и приказовъ, реляцій и «Журнала движения войскъ генераль-лейтенанта Барклая-де-Толли».

съ небольшимъ числомъ однокопныхъ сапей, подъ свозъ означенаго провіанта, фуража и вина, и для рапеныхъ. Передъ выступлениемъ изъ Біеркѣ, 6-го марта, на сборномъ пункѣ было отслужено молебствіе и прочитанъ приказъ, въ которомъ Барклай предупреждалъ войска о предстоявшихъ трудахъ и опасностяхъ; но, сказано въ немъ далѣе, «для русскихъ солдатъ невозможного не существуетъ» и ожидающая «ихъ слава останется бессмертною». Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось строжайшее соблюденіе порядка и дисциплины, съ возложеніемъ отвѣтственности на ротныхъ командировъ; за грабежъ же и напесеніе обидъ жителямъ объявлялась смертная казнь.

Пріѣхавъ въ Біеркѣ, Барклай-де-Толли приказалъ Полоцкому полку, прибывшему туда еще наканунѣ, перейти того же 6-го числа на Валсъ-Эраръ, откуда, на слѣдующее утро, одинъ изъ баталіоновъ долженъ былъ выдвинуться къ ледянымъ глыбамъ, для проложенія черезъ нихъ дороги. Затѣмъ онъ отправилъ летучій отрядъ, подъ начальствомъ Киселева, прямо въ Гросгрундъ; отрядъ этотъ, состоявший изъ 50-ти казаковъ и 40 полоцкихъ мушкетеровъ, посаженныхъ на 13 подводъ, долженъ былъ ночью перейти черезъ Кваркенъ, неожиданно напастъ на непріятельскіе передовые посты и стараться захватить ихъ въ плѣнъ, дабы лишить непріятеля возможности быть извѣщеннымъ о нашемъ движеніи, и, наконецъ, собрать свѣдѣнія о принятыхъ шведами мѣрахъ къ оборонѣ.

Утромъ 7-го (19-го) числа отрядъ Киселева, выступившій наканунѣ, въ 6-мъ часу вечера, изъ Біеркѣ, прибыль, послѣ 13-ти часового движения, въ Гросгрундъ. Тамъ онъ встрѣтилъ шведскій пикетъ изъ 10-ти человѣкъ, изъ числа которыхъ только четырехъ удалось взять въ плѣнъ; тогда сдѣжалось извѣстіемъ, что непріятельскія войска занимаютъ островъ Голмѣ. Въ этотъ же день, 7-го марта, оба отдѣленія должны были, согласно диспозиціи, перейти: первое—на Гросгрундъ, а второе—черезъ Валсъ-Эраръ, на Гадденъ; между тѣмъ, произошла неожиданная остановка: патронные ящики и обозъ лейбъ-grenaderского полка, по недостатку и слабости лошадей, не прибыли своевременно въ Біеркѣ. Иришилось отложить переходъ черезъ самій Кваркенъ до слѣдующаго дня и ограничиться переводомъ 2-го отдѣленія на Валсъ-Эраръ, где такимъ образомъ весь экспедиціонный отрядъ оять сосредоточился. Это послѣднее движеніе, по причинѣ глубокаго снѣга, продолжалось съ 9-ти часовъ утра до 5-ти пополудни; артилерія же, слѣ-

довавшая сзади, подъ прикрытиемъ двухъ ротъ пѣхоты и 20-ти казаковъ, прибыла на мѣсто еще иѣсколькоими часами позже. Для отдыха и почлега войска должны были расположиться бивакомъ на оледенѣлыхъ скалахъ; къ счастію погода была благопріятная и морозъ не превышалъ 5-ти градусовъ. Значительное понижение температуры началось только 8-го числа, такъ что въ слѣдующіе дни морозъ достигалъ 15-ти—17-ти градусовъ¹⁾. При этомъ войска были лишены бивачныхъ огней, ибо на голыхъ островкахъ не было лѣсу, а для подвоза дровъ не имѣлось лошадей.

На другой день, 8-го (20-го) марта, войска тронулись уже въ 5-мъ часу утра. Медленность движенія артилериі, требовавшей притомъ значительного числа рабочихъ, вызвала необходимость отдѣлить ее отъ войскъ. Барклай назначилъ поэтому одинъ баталіонъ лейбъ-гренадерскаго полка въ резервъ и приказалъ ему слѣдовать со всѣми орудіями за первымъ отдѣленіемъ, такъ какъ второму предстояло идти открытымъ моремъ, безъ малѣйшаго слѣда дороги. Первое отдѣленіе было направлено па Гросгрундъ и Голмѣ: второе же, при которомъ находился самъ Барклай, двинулось прямо на Гадденъ. Едва только войска оставили безпріютныя скалы, какъ уже имъ представились трудности и препятствія, которыя, какъ выразился въ своемъ донесеніи Барклай, «единственно русскому солдату преодолѣть можно»²⁾. Вступая по колѣю въ снѣгъ, люди спотыкались и падали и, натыкаясь на огромные обломки льда, разметанные предшествовавшими бурями, должны были перелѣзать черезъ эти преграды или обходить ихъ. Тяжелый маршъ продолжался около 13-ти часовъ и только въ 6-мъ часу вечера отдѣленія прибыли на предназначенный имъ мѣста; обозы же и артилерия пришли гораздо позже. Въ тотъ же день или, вѣрище, въ ночь съ 7-го на 8-е, Киселевъ имѣлъ стычку съ непріятелемъ. Желая развѣдать о силѣ и расположеніи отряда, занимавшаго Голмѣ, онъ повелъ свою небольшую партию къ этому острову, началь на передовой посты шведовъ, окружилъ его и взялъ 10 человѣкъ въ плѣнъ. Оказалось, что на остр. Голмѣ находилось три роты пѣхоты. Между тѣмъ, холодъ становился весьма чувствительнымъ; хотя войсками и было найдено иѣсколько пичтожныхъ ры-

¹⁾ По иѣкоторымъ источникамъ, въ ночь съ 7-го на 8-е было уже около 12 градусовъ морозу; по журналу же движения, термометръ показывалъ тогда не болѣе 5-ти градусовъ, и лишь 9-го марта опустился до 8-ми и 15-ти, а 10-го—до 17-ти градусовъ.

²⁾ Донесеніе Барклай-де-Толли отъ 14-го марта.
T. CCLIV.—Од. I.

бачихъ хижинъ, послужившихъ къ разведению небольшихъ костровъ, тѣмъ не менѣе бивачное расположение въ снѣгу не могло доставить имъ желаемаго отдыха, и морозъ не позволялъ даже оставаться долго безъ движения. Это обстоятельство, а также и необходимость достигнуть на слѣдующій день Умео, до которого оставалось еще около 40 верстъ, побудили Барклай сократить время отдыха и тронуться почю. Къ тому же должно было ожидать на другой день встрѣчи съ непріятелемъ, для которого наше движение не могло болѣе оставаться тайною, и потому нужно было торопиться, чтобы не дать ему времени сосредоточить свои силы.

Распоряженія къ предстоявшему на другой день, 9-го (21-го) марта, вступленію отряда въ Швецію, заключались въ слѣдующемъ: 1-е отдѣленіе должно было выбить непріятеля изъ острова Голмэ, преслѣдоватъ его черезъ Вѣсть-Кваркенъ къ дер. Эстнесъ, и оттуда обратиться на Умео, стараясь приблизиться къ городу одновременно съ колонною генераль-маіора Берга. Резерву дано приказаніе слѣдоватъ за полковникомъ Филисовымъ, оставивъ на островѣ Голмэ одну роту для прикрытия транспортовъ, долженствовавшихъ прибывать изъ Финляндіи. Второе отдѣленіе получило назначеніе двинуться открытымъ моремъ прямо въ устье р. Умео, съ тѣмъ, чтобы овладѣть городомъ съ той стороны, съ какой это оказалось бы наиболѣе удобнымъ.

Филисовъ, выступившій въ 4 часа утра, нашелъ непріятеля готовымъ къ бою, на позиціи, усиленной окопами изъ снѣга. Въ головѣ русской колонны шелъ Киселевъ; а боковой отрядъ, изъ двухъ ротъ Полоцкаго полка, былъ направленъ влѣво, на путь отступленія шведовъ. Предпринятая Филисовымъ фронтальная атака была встрѣчена огнемъ противника, который, повидимому, намѣренъ былъ держаться; но движение боковыхъ ротъ заставило его покинуть позицію и поспѣшно отойти къ Умео. Въ этомъ дѣлѣ непріятель лишился одними плѣнными одного офицера и 35 нижнихъ чиновъ; съ нашей стороны потеря ограничилась двумя ранеными. Преслѣдованіе было возложено на казаковъ, такъ какъ прочія части, задерживаемыя артилерією, подавались впередъ весьма медленно. По этой же причинѣ Филисовъ не исполнилъ возложеній на него задачи: не рѣшаясь оставить артилерію далеко назади, онъ остановился на остр. Голмэ и только на другое утро въ 10 часовъ, по прибытии туда первыхъ двухъ орудій, двинулъся къ Умео. Для сопровожденія прочихъ четырехъ орудій, которыхъ должны были выступить иѣсколькими часами позже, назна-

чены были двѣ роты лейбъ-grenадерскаго полка; одна же рота, какъ выше уже сказано, должна была оставаться на остр. Голмэ и служить промежуточнымъ постомъ для прикрытия ожидающихъ транспортовъ. Съ наступленіемъ сумерокъ того же 10-го (22-го) марта Филисовъ прибылъ въ дер. Гефто и тамъ былъ встрѣченъ приказаниемъ остановиться; приказаніе это было получено изъ Умео, где Барклай успѣлъ уже утвердиться.

Второе отдѣленіе во 2-мъ часу ночи на 9-е (21-е) марта покинуло островъ Гадденъ. Въ авангардѣ слѣдовали полторы сотни казаковъ и двѣ роты Тульскаго полка. Сѣжная пустыня, которая должна была быть пройдена, не представляла никакихъ предметовъ для ориентированія, но ночь была свѣтлая и звѣзды указывали направление. Вскорѣ, однако же, послѣ двухъ-часового похода, густой туманъ сталъ разстилаться по поверхности моря; звѣзды исчезли и войска внеслино очутились въ ледяномъ облакѣ. Барклай остановился и сдѣлалъ привалъ въ ожиданіи разсвѣта. Затѣмъ колонна продолжала путь, имѣя въ головѣ, въ качествѣ вожатаго, генераль-маіора Берга, не сводившаго глазъ съ находившагося въ его рукахъ компаса ¹⁾). Какъ тяжелы ии были прежніе переходы, какъ велики ии были перенесенные труды, но въ сравненіи съ испытаніями этого дня они оказались легкими. Достаточно сказать, что послѣ 18-ти-часового движенія по цѣльному, но не рыхлому снѣгу, при 15° мороза и сѣверномъ вѣтрѣ, стѣснившемъ дыханіе, войска не могли дойти до Умео; въ 8 часовъ вечера, когда уже было совершенно темно, они находились еще въ шести верстахъ отъ города, не успѣвъ даже войти въ устье рѣки. «Люди были совсѣмъ обезсилены», читаемъ мы въ дневникѣ Барклая, «и падали отъ усталости; невозможно было идти далѣе, а тѣмъ болѣе сдѣлать ночное нападеніе на занятый непріятелемъ городъ. Я увидѣлъ себя вынужденнымъ расположиться бивакомъ посреди бухты, образуемой Ботническимъ заливомъ у г. Умео. Нѣсколько купеческихъ судовъ, найденныхъ по близости, послужили дровами для нашихъ костровъ; тѣмъ не менѣе люди ужасно страдали». Между тѣмъ, казаки завязали перестрѣлку съ непріятельскою пѣхотою, занимавшую на близь лежавшемъ берегу д. Гекнесъ; при этомъ было захвачено иѣсколько крестьянъ, изъ показаній которыхъ можно было заключить, что силы противника сосредоточены вокругъ Умео. О Филисовѣ никакихъ извѣстій не было.

¹⁾ «Autobiographie des Generals der Infanterie Greg. v. Berg.», стр. 217.

Бивачные огни нашего отряда и почные выстрелы казаковъ произвели на жителей потрясающее впечатлѣніе. Они не хотѣли вѣрить въ возможность появленія русскихъ войскъ изъ лежащей за моремъ Финляндіи; когда же послѣднее сомнѣніе должно было исчезнуть, они стали смотрѣть на представившееся имъ зрѣлище, какъ на «совершившееся чудо» ¹⁾). Не менѣе другихъ былъ пораженъ и графъ Кронстедтъ, командовавшій войсками въ Умео, который, считая переходъ черезъ Кваркенъ для значительного отряда неполнимымъ, ограничился мѣрами обороны, необходимыми для отраженія лишь небольшихъ партій; шведскій генералъ, распустившій даже пѣкоторую часть своихъ войскъ по домамъ ²⁾), началъ снова собирать ихъ только наканунѣ прибытія Барклай и не могъ по этому встрѣтить его всѣми своими силами.

На слѣдующій день, 10-го (22-го) марта, въ 5 часовъ утра, Барклай снялся съ бивака и приказалъ авангарду, состоявшему изъ тѣхъ же $1\frac{1}{2}$ сотенъ и двухъ ротъ Тульского полка, овладѣть деревнею Текнесь. Завязалась сильная перестрѣлка, во время которой прочія войска, выбиваясь изъ глубокаго снѣга, вступали на берегъ. Непріятель поспѣшилъ тогда отступить, оставивъ даже въ деревнѣ пѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Генераль-маіоръ Бергъ, находившійся при авангардѣ, преслѣдовалъ его по дорогѣ въ Умео; но онъ не успѣлъ еще дойти до города, какъ уже былъ встрѣченъ парламентеромъ, извѣстившимъ о желаніи шведскаго генерала вступить въ переговоры. Бергъ послалъ за приказаніями къ Барклай, а послѣдний отвѣтилъ, что, не желая терять времени на предварительные переговоры, предоставляетъ графу Кронстедту немедленно приступить къ окончательному соглашенію, до заключенія котораго наступательныя дѣйствія русскаго корпуса прекращены не будутъ. Предложеніе противника какъ нельзя болѣе соответствовало интересамъ Барклай, положеніе котораго было далеко не безопасное: располагая слабыми тремя баталіонами, изнемогавшими отъ перенесенныхъ ими необычайныхъ трудовъ, не имѣя артилераи и не получая извѣстій о Филисовѣ, находившемся тогда еще на островѣ Голмѣ, ему не легко было вступить въ бой съ свѣжими войсками, число которыхъ, по прежнимъ свѣдѣніямъ, должно было превышать его собственныя силы. Быстро

отступленіе непріятеля и предложеніе перемирия, очевидно, были вызваны преувеличеными свѣдѣніями о числительности русскихъ войскъ, заблужденіе, которое не могло долго продолжаться. Къ тому же необходимо было не только овладѣть городомъ, но и приобрѣсти въ возможной цѣлости имѣвшіеся въ немъ магазины. Но всѣмъ этимъ причинамъ Барклай предпочелъ, не заключая перемирия, пріостановить наступленіе въ томъ случаѣ, еслибы соглашеніемъ возможно было достигнуть тѣхъ выгодъ, которыя могла бы доставить побѣда. Вскорѣ дѣрѣхалъ самъ Кронстедтъ и сообщилъ русскому генералу о произошедшей въ Стокгольмѣ революціи и провозглашеніи герцога Зюдермаллапскаго регентомъ королевства; затѣмъ онъ сталъ убѣждать его согласиться на перемирие, увѣряя, что скорое заключеніе желаемаго всѣми мира не подлежало болѣе сомнѣнію. Барклай, однако жъ, остался непоколебимымъ и извѣтилъ только готовность пріостановить дальнѣйшія дѣйствія съ условіемъ, чтобы непріятель сдалъ ему г. Умео со всѣми продовольственными и боевыми запасами и немедленно отступить за предѣлы Вестерботніи. На этихъ главныхъ основаніяхъ тотчасъ же была заключена конвенція, по которой Кронстедтъ обязался очистить городъ къ 4-мъ часамъ пополудни, взявъ съ собою лишь четырехъ-дневный провіантъ, и оставивъ магазины не тронутыми, и отступить къ Гернесанду, лежащему въ 220 верстахъ къ югу отъ Умео. Затѣмъ оба генерала согласились извѣстить о состоявшемся актѣ своихъ главнокомандующихъ и до возвращенія курьеровъ не возобновлять дѣйствій, а въ случаѣ продолженія таковыхъ—предварить о томъ за 24 часа. Пространство между границею Вестерботніи и рѣкою Эрѣ было объявлено нейтральнымъ.

Заключенная конвенція доставила Барклай всѣ выгоды, которыхъ только можно было желать: она лишила шведовъ возможности уничтожить богатые запасы, гарантировала спокойствіе въ чужомъ краѣ и порядокъ въ мѣстномъ управлѣніи, облегчила русскому отряду соединеніе съ прочими ожидавшимися еще изъ Вазы полками и, наконецъ, предоставила ему полную свободу содѣйствовать Улеаборгскому корпусу всякими операциами въ тылу, стоявшихъ противъ него войскъ. Отрядъ Кронстедта приобрѣлъ, правда, возможность безпрепятственно отойти; но для прегражденія ему отступленія необходимо было владѣть путемъ къ Стокгольму и обладать достаточными силами. Въ своемъ донесеніи главнокомандующему Барклай, упоминая объ этомъ

¹⁾ Слова графа Кронстедта.

²⁾ Въ Швеціи, какъ известно, наибольшая часть арміи состояла изъ поселенныхъ войскъ.

обстоятельствѣ, говоритьъ, что нельзя было предупредить непріятеля на Стокгольмской дорогѣ, до которой оставалось пять верстъ. Означенное донесеніе вообще разъясняетъ, какъ нельзя лучше, тогдашнее положеніе дѣль. Барклай излагаетъ въ немъ вышеприведенные причины, побудившія его пріостановить бой, и затѣмъ продолжаетъ: «впослѣдствіи мы отъ того не имѣли бы никакихъ выгодъ, а можетъ быть много вреда; личному же моему славолюбію жертвовать общую пользою я почелъ бы себя преступникомъ и недостойнымъ довѣрія моего Государя. Непріятель очищаетъ намъ земли въ одну сторону, къ Стокгольму, до 200 верстъ, отступая со своими войсками въ Гернезандъ; о войскахъ же его, находящихся между Умео и Торнео, я никакого не дѣлалъ условія; слѣдственно, когда графъ Шуваловъ начнетъ свои дѣйствія, я, сбравъ здѣсь между тѣмъ всѣ полки, идущіе ко мнѣ черезъ Кваркенъ, въ знатныхъ силахъ буду имѣть средства стѣснить ихъ и принудить положить оружіе¹⁾). Это послѣднее предположеніе два дня спустя осуществилось.

По удаленіи непріятеля изъ Умео, согласно заключенному условію, городъ былъ занятъ нашими войсками, нашедшими въ немъ весьма значительные запасы продовольствія; кромѣ того, досталось имъ 10 орудій, 2,820 ружей, болѣе 1,500 артилерійскихъ зарядовъ, 134,000 патроновъ и огромное количество разнаго рода предметовъ, въ томъ числѣ 600 полушибковъ и 29,000 паръ теплыхъ чулковъ.

Приобрѣтенные успѣхи не обошли, однако-жъ, даромъ; если число убитыхъ и раненыхъ было ничтожно, то число пострадавшихъ отъ стужи оказалось значительнымъ, ибо болѣе 200 человѣковыхъ выбыло изъ строя; изъ нихъ, впрочемъ, только немногіе лишились членовъ и сдѣлались неспособными къ службѣ.

Занявъ Умео, Барклай сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы утвердиться на шведскомъ берегу и оказать содѣйствіе Шувалову. Съ запада и юга онъ обезпечилъ себя казаками, изъ которыхъ одна сотня получила назначеніе развѣдать внутренность края, а другая была послана вслѣдъ за отступившимъ Кронстедтомъ. Изъ отряда Филисова четыре орудія были притянуты къ главнымъ силамъ, къ которымъ, 12-го (24-го) марта, долженъ былъ присоединиться подходившій уже изъ Вазы Навагинскій полкъ. Къ сѣверу, по дорогѣ въ Нинно, былъ выдвинутъ Полоцкій полкъ съ двумя

¹⁾ Донесеніе генерал-лейтенанта Барклай-де-Толли отъ 11-го марта.

орудіями и сотнею казаковъ. Войска эти, составившія авангардъ Барклая, подъ начальствомъ Филисова, вступили 12-го (24-го) въ Сефваръ; находившійся же въ головѣ ихъ отрядъ Киселевъ, въ составѣ двухъ ротъ того же полка и казаковъ, дошелъ до Ратана и захватилъ при этомъ 4 орудія, 20 зарядныхъ ящиковъ, 900 бочекъ пороха, значительный транспортъ хлѣба и т. д. Всѣми этими отрядами были въ то же время распространены прокламаціи, которыми населеніе приглашалось оставаться спокойнымъ и тѣмъ содѣйствовать заключенію мира, «для достиженія котораго», какъ въ нихъ было сказано, «руsskія войска вступили на шведскую территорію». Пополненіе магазиновъ предписывалось произвести, отчасти, реквизиціями, отчасти, подвозомъ изъ Вазы, откуда одинъ транспортъ уже былъ отправленъ, а другой выжидалъ только лошадей для выступленія. Наконецъ, потребованы были подводы для доставленія военной добычи въ Финляндію.

Но среди этихъ распоряженій и приготовленій пришла вѣсть столь же неожиданная, какъ и непріятная — приказаніе главнокомандующаго не переходить на шведскій берегъ, а если экспедиція уже совершена, то немедленно возвратиться въ Вазу. Это извѣстіе было привезено въ Умео 11-го (23-го), вечеромъ, адъютантомъ генерал-маіора Лобанова, доносившаго также, что полки, не успѣвшіе еще прибыть въ Вазу, для слѣдованія черезъ Кваркенъ, получили повелѣніе возвратиться на прежнія квартиры. Легко себѣ представить, какъ непріятно было Барклай получить подобное приказаніе послѣ всего, что уже было перепесено и достигнуто войсками. «Признаюсь», замѣтилъ онъ въ тотъ день въ своемъ журнальѣ, «что приказаніе это явилось весьма некстати; я, однако-жъ, твердо рѣшился не прежде выступить въ обратный путь, какъ по отправленіи хотя бы части взятыхъ у непріятеля орудій, пороха, ружей и военныхъ припасовъ. Объ этомъ памѣрніи я уже донесъ главнокомандующему и присовокупилъ, что таковая отсрочка не только не замедлитъ, но, напротивъ, ускорить заключеніе мира». Съ этой цѣлью Барклай сохранилъ полученнное приказаніе въ тайнѣ и въ письмѣ своемъ къ генералу Кронстедту ограничился извѣщеніемъ о вѣроятности скораго перемирія. Но эта предосторожность оказалась безполезною; необыкновенная предусмотрительность, обнаруженная генераломъ Кпорингомъ, какъ только дѣло коснулось обратного движенія, разстроила памѣрнія Барклая: уже на слѣдующій день онъ получилъ черезъ шведскаго генерала дубликатъ означеннаго предписанія. Убѣдив-

шилось тогда, что возвращение русскихъ войскъ окончательно решено въ главной квартире и поставлено даже условиемъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ о перемирии и мирѣ. Барклай увидѣлъ себя вынужденнымъ исполнить полученные приказанія. Но и теперь еще онъ счелъ лучшимъ не торопиться и сдѣлалъ распоряженіе къ обратному движению съ такимъ разсчетомъ, что головная колонна должна была выступить не ранѣе 15-го (27-го), а аріергардъ только 17-го (29-го) марта. Внезапный оборотъ, совершившійся на театрѣ войны, и установившійся затѣмъ между главнокомандующими противныхъ сторонъ миролюбивыя отношенія, поставили Барклай въ затрудненіе относительно военной добычи и лишили его возможности вывести ее изъ Швеціи; подобный образъ дѣйствія оказывался уже неумѣстнымъ, да и времени на это болѣе недоставало. Взглядъ его на этотъ предметъ выражается въ донесеніи, отправленномъ имъ тотчасъ по прибытіи въ Вазу; «по скорости моего возвращенія», писалъ онъ 19-го марта генералу Кноррингу, «я не имѣлъ возможности перевезти на нашу сторону взятая 14 пушекъ, 1,400 бочекъ пороху и нѣсколько тысячи ружей, кромѣ всѣхъ другихъ вещей; увезти нѣкоторую часть изъ оныхъ походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность всѣ вещи не было бы знакомъ миролюбія со стороны нашей и обратный переходъ мой черезъ Кваркенъ имѣлъ бы видъ ретирады». По этимъ причинамъ Барклай ограничился спабженіемъ больныхъ теплыми одѣялами и раздачею въ войска полушибковъ и шерстяныхъ чулковъ: выставленныя же подводы были распределены по отрядамъ для перевозки ранцевъ и всякихъ тяжестей, а также слабыхъ и больныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особою прокламацію было объявлено, что съ оставленіемъ русскими войсками края, занятаго съ единственою цѣлью ускоренія мира, всѣ взятые оружіемъ предметы, артилерія, магазины и проч. возвращаются «въ знакъ уваженія къ націи и воинству». Передъ выступленіемъ Барклай обратился также къ собственнымъ войскамъ съ особымъ приказомъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ «не занять пріобрѣтеної славы и оставить въ чужомъ kraѣ память, которую бы чтило потомство!» И они послушались своего начальника, эти герои Кваркена, они дѣйствительно оставили по себѣ память, которую ихъ потомки могутъ гордиться; тѣ же жители Вестерботніи, которыхъ еще столь недавно вѣсть о приближеніи русскихъ повергла въ ужасъ и отчаяніе, выслали депутатовъ отъ дворянъ, купцовъ и поселеній, для выраженія русскому генералу благодар-

ности за превосходное поведеніе и дисциплину солдатъ, за великолѣщное съ ними обращеніе начальниковъ. До какой степени это публичное изъявленіе признательности войску тронуло Барклай, видно изъ немногихъ словъ, набросанныхъ имъ по этому случаю въ своемъ дневникѣ. Восхваляя сначала «бодрость и непоколебимое мужество», съ которыми всѣ чины перенесли неслыханныя испытанія, онъ продолжаетъ: «при выступленіи моемъ изъ Умео явился ко мнѣ губернаторъ, въ сопровождении магистрата и депутатій, и благодарилъ меня за сохраненный войсками порядокъ и соблюденную ими дисциплину; въ произнесенной рѣчи онъ сказалъ, что ихъ поведеніе оставилъ у него и его согражданъ неизгладимую память. Признаюсь, въ эту минуту я чувствовалъ себя счастливымъ!»

Для обратного похода войска были раздѣлены, попрежнему, на два отдѣленія: первое—Филисова, состояло изъ сотни казаковъ, Полоцкаго полка, одного баталіона лейбъ-grenадерскаго полка и артилеріи; второе, при которомъ слѣдовалъ Барклай — изъ Тульскаго полка, Навагинскаго, безъ двухъ ротъ, другого баталіона лейбъ-grenадерскаго полка и другой сотни казаковъ. Изъ остальныхъ двухъ ротъ Навагинскаго полка и третьей сотни казаковъ было составленъ аріергардъ, подъ начальствомъ генераль-маиора Берга, получившаго приказаніе очистить Умео 17-го (29-го) марта и взять съ собою тѣхъ больныхъ, которые не могли быть отправлены ранѣе. Всѣ войска были направлены по менѣе трудному пути, на Тефтэ и Голмэ; самое же движеніе было произведено слѣдующимъ порядкомъ: 15-го (27-го) марта—первое отдѣленіе изъ дер. Тефтэ въ Голмэ, второе изъ Умео въ Тефтэ; 16-го (28-го) — первое изъ Голмэ въ Валсъ-Эраръ, второе изъ Тефтэ въ Голмэ; 17-го (29-го)—первое отдѣленіе изъ Валсъ-Эрара въ Біеркэ, второе изъ Голмэ въ Валсъ-Эраръ, аріергардъ изъ Умео въ Голмэ; 18-го (30-го)—первое въ Ренлотъ, второе въ Біеркэ, аріергардъ въ Валсъ-Эраръ и въ тотъ же день въ Біеркэ. Въ послѣдующіе затѣмъ дни всѣ части направились въ мѣста квартирнаго ихъ расположения. Не взирая на сильный морозъ, дошедшій 15-го числа до 18°, обратный походъ, по проложенной уже дорогѣ, оказался несравненно легче, чему, впрочемъ, немало способствовали подводы, доставившія возможность значительно облегчить людей.

Такъ кончилась экспедиція черезъ Кваркенъ, принадлежащая къ числу подвиговъ, наиболѣе прославившихъ русское оружіе, и связавшая съ этойю славою имя Барклай-де-Толли. Достигнутые

результаты оказались гораздо важнѣе, нежели можно было надѣяться. Не говоря уже о нравственномъ впечатлѣніи, произведенномъ на правительство и населеніе въ Швеціи, неожиданное появленіе русского корпуса въ Умео имѣло непосредственное вліяніе на самый ходъ военныхъ дѣлъ: съ одной стороны, на югѣ, оно способствовало, какъ уже было сказано, къ устраненію недоразумѣній, встрѣченныхъ Кноррингомъ при заключеніи перемирія, а съ другой, на сѣверѣ, оно вынудило, какъ сейчасъ увидимъ, шведского генерала Гриппенберга положить оружіе передъ наступавшими войсками Шувалова.

Пріѣхавъ въ Улеаборгъ и вступивъ въ командование корпусомъ, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ вскорѣ убѣдился въ невозможности начать дѣйствія по недостатку продовольствія. Уже Тучковымъ были сдѣланы представленія, что магазины пусты и войска получаютъ двѣ трети рациона и не въ состояніи запастись десяти-дневнымъ провіантромъ¹⁾. По распоряженію военнаго министра, были, правда, отправлены транспорты изъ Петербурга прямо на сѣверъ, но транспорты эти находились еще въ дорогѣ и время ихъ прибытія не было известно. Между тѣмъ Аракчеевъ наставлялъ на скорѣйшемъ выступленіи. Поставленный, такимъ образомъ, въ весьма затруднительное положеніе, Шуваловъ обратился за совѣтами къ Барклаю: «сообщите мнѣ ваше мнѣніе», писалъ онъ ему изъ Улеаборга, «помогите вашими совѣтами; я бы желалъ лучше умереть, нежели подвергнуть вѣренный мнѣ корпусъ гибели»²⁾. Отвѣты Барклая, къ сожалѣнію, не сохранились. Въ первыхъ (среднихъ) числахъ марта оказалось возможнымъ собрать до 4,000 человѣкъ у Кеми и вслѣдъ затѣмъ, 6-го (18-го), изъ русского стана было отправлено къ непріятелю извѣщеніе о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Но полученіе этого извѣстія генераль Гриппенбергъ, командовавший тогда королевскими войсками на сѣверной границѣ, сосредоточился у Каликса; въ Торнео онъ оставилъ одинъ только аріергардъ, который, однако, поспѣшилъ очистить городъ, когда, 11-го (23-го) марта, подошли къ нему наши колонны. Не доходя Торнео, Шуваловъ узналъ о происшедшемъ въ Стокгольмѣ революціи. Будучи увѣренъ, что подобное извѣстіе не могло не поколебать духа непріятельскихъ войскъ, онъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и тотчасъ же

¹⁾ Донесеніе генерала-лейтенанта Тучкова отъ 13-го февраля.

²⁾ Письмо графа Шувалова къ Барклай-де-Толли отъ 24-го февраля 1809 г.

отправить къ шведскому генералу письмо, въ которомъ, сообщая о переходѣ русского корпуса черезъ Кваркенъ и угрожающей шведамъ съ той стороны опасности, предлагалъ ему сдаться на капитулaciю. Однако, Гриппенбергъ не повѣрилъ этому извѣстію; по разсказу очевидца¹⁾, онъ и окружавшія его лица, Палмфельдъ и Аминовъ, приняли разсказъ о движении Барклая съ улыбкою недовѣрія и объявили русскому переговорщику полковнику Ансельму-де-Жиборне рѣшительный отказъ. Это было 12-го (24-го) марта. Тогда Шуваловъ, выдвинувшій между тѣмъ авангардъ по береговой дорогѣ и боковой отрядъ слѣва, по льду залива, приказалъ генераль-маюру Эриксену тѣснить непріятеля съ фронта, а генераль-маюру Алексѣеву охватывать его правый флангъ. Но преслѣдованіе продолжалось недолго. Уже на слѣдующее утро, совершенно неожиданно, пріѣхалъ парламентеръ съ противной стороны и изъявилъ готовность вступить въ переговоры. Внезапная перемѣна эта была слѣдствіемъ полученной изъ Умео роковой вѣсти о взятіи города Барклаемъ²⁾. Посланный графомъ Кронstedтомъ курьеръ встрѣтилъ Гриппенберга во время его отступленія къ Каликсу; собранный же шведскимъ генераломъ совѣтъ нашелъ, что съ занятіемъ тыла русскими войсками, продолженіе борьбы повело бы только къ новымъ бѣдствіямъ и пораженіямъ. Графъ Шуваловъ не замедлилъ тогда отправить своихъ уполномоченныхъ³⁾, съ приказаніемъ требовать сдачи на условіяхъ, уже прежде объявленныхъ. Послѣ непродолжительныхъ преній предъявленные требованія были приняты и вслѣдъ затѣмъ, того же 13-го (25-го) марта, была подписана капитулaciя или, какъ ее тогда назвали, конвенція, на основаніи которой непріятельский корпусъ положилъ оружіе. Число сдавшихся войскъ, согласно строевой записи Гриппенберга, простиралось до 7,000 человѣкъ⁴⁾; изъ нихъ большая часть состояла изъ финляндцевъ, которые были возвращены на родину и отпущены по домамъ; шведскія же войска, также получившія свободу, должны были дать присягу не служить во все время войны противъ Россіи и ея союзниковъ. Ружья, арти-

¹⁾ И. Н. Липранди, въ то время подпоручикъ квартирмейстерской части, сопровождавший нашего парламентера полковника Ансельма де-Жиборне.

²⁾ Монгомери, стр. 203.

³⁾ Полковника Ансельма и подполковника барона Тейль, при которыхъ находился и Липранди.

⁴⁾ Шведскіе писатели показываютъ число это въ 2,000 человѣкъ; но, вероятно, они считаютъ только природныхъ шведовъ.

лерійскія орудія и знамена¹⁾ были признаны трофеями, а всѣ хорошия магазины до самаго Умео — собственностью русскихъ войскъ.

Важныя послѣдствія Кваркенской экспедиціи были вполнѣ оценены Императоромъ Александромъ, выразившимъ свою признательность Барклаю производствомъ его въ генералы отъ инфантеріи²⁾, несмотря на то, что онъ былъ изъ младшихъ генераль-лейтенантовъ арміи; кромѣ того, получили награды и всѣ представленныя имъ лица, въ числѣ которыхъ особенно выставлены генераль-маіоръ Бергъ, полковникъ Филисовъ, бригады-маіоръ Воейковъ и войсковой старшина Киселевъ 2-й. Другіе два корпусные командира, Багратіонъ и Шуваловъ, были также произведены: первый—въ генералы отъ инфантеріи, а второй—въ генераль-лейтенанты; войскамъ же, находившимся съ Барклаемъ, Шуваловымъ и Кульневымъ на шведской територіи, была пожалована денежная паграда и особенная на этотъ случай выбитая серебряная медаль³⁾. Какъ видно, производство Барклая и Багратиона состоялось одновременно, но послѣдній сохранилъ свое прежнее старшинство и въ новомъ чинѣ; этому обстоятельству, казалось бы ничтожному, суждено было имѣть важныя послѣдствія.

Каликская капитуляція открыла Улеаборгскому корпусу путь въ Умео на соединеніе съ Барклаемъ. Но черезъ два дня по ея заключеніи, когда еще не всѣ эшелоны Гриппенберга успѣли положить оружіе, пришло неожиданное извѣстіе о возвращеніи войскъ Вазаскаго корпуса въ Финляндію. Извѣстіе это не только дало поводъ послѣднимъ эшелонамъ непріятеля уклониться отъ исполненія капитуляціи, но поставило даже въ немалое затрудненіе Шувалова, у которого естественно долженъ быть родиться вопросъ: что дѣлать далѣе? Въ недоумѣніи онъ снова обратился къ Барклай: «прошу васъ сообщить, слѣдуетъ ли мнѣ продолжать движение, или долженъ я остановиться»⁴⁾? И на этотъ разъ отвѣтъ остался неизвѣстнымъ; но какой совѣтъ могъ дать Барклай, получившій въ то же время изъ Гельсингфорса Высочайшее повелѣніе: если отрядъ еще не возвратился въ Вазу, то оставаться въ Швеціи, соединиться съ Шуваловымъ и утвердиться въ Вестерботніи⁵⁾. «Можно себѣ представить, какой это былъ для меня грѣхъ».

¹⁾ Орудій 22, знамень 12.

²⁾ Производство состоялось 20-го марта 1809 г.

³⁾ «Описаніе Финляндской войны». Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 425.

⁴⁾ Письмо графа Шувалова отъ 15-го марта.

⁵⁾ Предписаніе графа Аракчеева отъ 18-го марта.

мовой ударъ», читаемъ мы въ его дневникѣ; и дѣйствительно, этою новою перемѣнкою онъ былъ глубоко огорченъ, тѣмъ болѣе, что предчувствіе, овладѣвшее имъ уже въ Умео и удержавшее его отъ немедленнаго выполненія приказаний главнокомандующаго, не покидало его и по прибытіи въ Вазу; это видно изъ замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ днемъ раньше по поводу письма генерала Кнорринга, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, поздравляетъ его «со вновь приобрѣтенными лаврами»¹⁾. — «Сегодня», пишетъ Барклай 21-го марта, «я получилъ отъ главнокомандующаго письмо, въ которомъ онъ какъ бы оправдываетъ свои предписанія о моемъ скорѣйшемъ возвращеніи тѣмъ обстоятельствомъ, что иѣсколько непріятельскихъ отрядовъ было выдвинуто противъ меня изъ Упсалы; но это извѣстіе совершило неосновательно, ибо генералъ Булатовъ, возвратившійся изъ Илѣна, проѣхалъ черезъ Упсалу и нашелъ тамъ только однихъ студентовъ. Къ тому же въ его предписаніяхъ было сказано, что мнѣ слѣдуетъ прекратить всякия наступательныя дѣйствія и немедленно возвратиться по той собственно причинѣ, что переговоры о мирѣ уже начались; онъ этого и писать мнѣ не могъ прежде, какъ по заключеніи съ непріятелемъ надлежащей конвенціи, а потому со стороны противника сосредоточенія войскъ противъ меня и быть не могло. Если же такой конвенціи не имѣется и всѣ распоряженія сдѣланы вслѣдствіе изъявленнаго только непріятелемъ желанія прекратить войну, то генералъ Кноррингъ поступилъ крайне необдуманно и подвергнулъ себя большой отвѣтственности». Но дѣло было сдѣлано и поправить его было невозможно, а потому Барклай оставилъ только выждать въ Вазѣ дальнѣйшаго разясненія обстоятельствъ.

Всѣ означенные противорѣчія показываютъ одинакожъ, до какой степени разногласіе существовало тогда въ высшихъ распоряженіяхъ. Но какое и могло быть въ нихъ единство, когда они одновременно исходили отъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно носило название главнокомандующаго и при этомъ несло всю отвѣтственность, а другое было облечено высшею властью. Къ тому же, Аракчеевъ далеко не обладалъ качествами посредника; онъ не только не старался согласоваться съ Кноррингомъ, но, напротивъ, обращался непосредственно къ частнымъ начальникамъ и первѣцъ съ весьма щекотливыми требованіями; такъ пишетъ Барклай въ своемъ дневнике: «отъ военнаго министра, прїхавшаго въ Або, я получилъ

¹⁾ Письмо генерала Кнорринга отъ 17-го марта.

приказаниe доставлять копи съ предписаний, получаемыхъ мною отъ главнокомандующаго относительно перехода черезъ Кваркенъ, а также съ моихъ донесеній по тому же предмету. Это ставить меня въ немалое затрудненіе, такъ какъ я не могу не видѣть здѣсь признакъ несогласія между главнокомандующимъ и министромъ; я было имѣль намѣреніе предупредить объ этомъ генерала Кнорринга, но боюсь влить еще болѣе масла въ огонь». Если бы Аракчеевъ, обнаружившій сначала такъ много самостоятельности въ своихъ распоряженіяхъ и предписаніяхъ, сохранилъ ее и въ решительную минуту, то вмѣшательство его въ дѣла главнокомандующаго могло бы быть оправдано; но, какъ известно, при первой комликаціи онъ предоставилъ дальнѣйшую участіе начатаго имъ предприятія генералу Кноррингу, считавшему безотлагательное прекращеніе предпринятыхъ дѣйствій самымъ счастливымъ для націи исходомъ. Этотъ эпизодъ Финляндской кампаніи характеризуетъ всѣ вообще войны временъ Александра I; въ 1809 году повторилось только то, что уже было въ 1805, а отчасти и въ 1807 и 1808 годахъ, и что, до пѣкоторой степени, должно было еще повториться въ послѣдующихъ войнахъ, а именно: высшее вмѣшательство въ военные дѣйствія съ оставленіемъ отвѣтственности на главнокомандующемъ. Подобное вмѣшательство было, конечно, вызываемо желаніемъ содѣйствовать успѣху и убѣждениемъ въ совершенствѣ составленныхъ плановъ; тѣмъ не менѣе оно лишало главнокомандующаго самостоятельности и всегда вредило дѣлу. Понятно поэтому, что и Кноррингъ не избѣгнулъ судьбы, которой подверглись Кутузовъ, Беннигсенъ и Буксгевденъ. Подобно имъ онъ впалъ въ немилость и былъ вскорѣ удаленъ.

Въ половинѣ (концѣ) марта Императоръ Александръ прѣѣхалъ въ Финляндию. Цѣль этого прѣѣзда заключалась въ открытии собранія тогда въ г. Борго сейма, на которомъ великодушный монархъ пожелалъ успокоить представителей народа, возвѣстить имъ свои просвѣщенія намѣренія и пріобрѣсть ихъ полное довѣріе. Торжественный вѣздръ въ Борго совершился 15-го (27-го) числа и въ тотъ же день былъ обнародованъ манифестъ, подтверждавшій всѣ права, которыми жители Финляндіи пользовались ранѣе. На другое утро послѣдовало открытие сейма, а на слѣдующій затѣмъ день, по принятіи сословіями присяги, Императоръ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ. Посѣтивъ Свеаборгъ, онъ отправился въ Або, где 19-го февр. (3-го марта) состоялся торжественный вѣздръ, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбы. Здѣсь встрѣчали его и главнокоман-

дующій; но насколько монархъ былъ милостивъ и вниматель къ всѣмъ прочимъ лицамъ, настолько онъ былъ холоденъ къ генералу Кноррингу: въ продолженіи почти 3-хъ-дневнаго пребыванія въ Або онъ не удостоилъ его ни однимъ словомъ и тотчасъ же отмѣнилъ всѣ сдѣланныя имъ распоряженія. Взамѣнъ ихъ было повелѣно: заключенное перемиріе объявить прекратившимся; отправить на островъ Аландъ, для сильнѣйшаго его занятія, особый корабль въ 4,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Демидова; Барклаю-де-Толли оставаться въ Умео, а если онъ уже возвратился въ Вазу, то усилить частью своихъ войскъ Улеаборгскій корпусъ; Шувалову продолжать наступленіе; наконецъ, поспѣшить постройкою гребныхъ судовъ въ Вазѣ и Улеаборгѣ. Послѣ этого Кноррингу оставалось только опять подать въ отставку; онъ это и сдѣлалъ, но получилъ приказаніе оставаться въ должности до назначенія другого лица. Впрочемъ, ему не долго пришлось дожидаться: недѣли двѣ спустя Императоръ Александръ рѣшился назначить новаго главнокомандующаго и выборъ его палъ на Барклай¹⁾.

Для человѣка скромнаго, каковъ былъ Барклай, подобное назначеніе не могло не быть въ высшей степени неожиданнымъ. Уже производство въ генералы отъ инфантеріи показалось ему преждевременнымъ и незаслуженнымъ; по этому поводу графъ Шуваловъ писалъ ему: «не взирая на вашу скромность, могу вѣсть увѣрить, что вамъ воздано по заслугамъ, что переходъ вашъ вызываетъ удивленіе». Новое же назначеніе, сопряженное съ большою отвѣтственностью, даже испугало Барклай; онъ зналъ людей и понималъ, что успѣхъ возбуждаетъ зависть и вызываетъ вражду. Къ тому же примѣры прежнихъ главнокомандующихъ были на глазахъ, а стараніе Аракчеева возбуждать монарха противъ всякаго самостоятелнаго генерала не могло, послѣ случая съ Буксгевденомъ, оставаться тайною. Единственную, но за то и самую надежную опору Барклай надѣялся найти въ милостивомъ къ нему расположеніи Императора Александра, къ которому онъ и самъ имѣль безпредѣльную преданность. Онъ рѣшился поэтому выскажаться предъ Государемъ и просить Его застуپничества противъ возможной клеветы. Въ послѣдніхъ числахъ апрѣля рескрипты о назначеніи Барклая были привезены въ Вазу, а въ началѣ (половинѣ) мая онъ вступилъ въ должность; вслѣдъ затѣмъ онъ обра-

¹⁾ Указъ о назначеніи Барклая главнокомандующимъ состоялся 15-го апрѣля.

тился къ Императору съ слѣдующимъ письмомъ: «Вашему Величеству угодно было назначить меня главнокомандующимъ финляндскою арміею. Это драгоценное для меня довѣріе вызываетъ, однако же, съ моей стороны опасеніе, что силы и способности мои не будутъ достаточны для выполненія этихъ новыхъ обязанностей... Вступая въ исправленіе важной должности, которую Вы, Государь, изволили меня почтить, я осмѣливаюсь просить Августійшаго Вашего покровительства; я прошу о немъ убѣдительно, ибо я долженъ опасаться, что новое званіе, въ которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было меня воззвать, можетъ возбудить зависть и вызвать недоброжелательное толкованіе всѣхъ моихъ дѣйствій¹⁾). На это письмо послѣдовалъ самый сподвижнический отвѣтъ: «Призвавъ васъ къ командованію Финляндскою арміею, Я руководствовался лишь чувствомъ справедливости иуваженія къ вашимъ военнымъ дарованиямъ и личнымъ свойствамъ. Имѣя столь прочное основаніе, Мое мнѣніе о васъ не можетъ никогда измѣниться; оно одно достаточно, чтобы уничтожить зависть, если бы таковая когда-либо посмѣла подняться противъ васъ»²⁾. Успокоенный ободрительными словами Монарха, Барклай весь предался своимъ новымъ занятіямъ; но не прошло и двухъ недѣль, какъ на него возложены были еще другія, весьма многосложные обязанности. Уже выше было сказано, что съ самаго начала покоренія Финляндіи, гражданское управление вновь пріобрѣтенного края было поручено генералу отъ инфантеріи барону Спренгтпорту, который, по своему политическому положенію и знанію края, вполнѣ тому соотвѣтствовалъ. Между тѣмъ, война затянулась, а вмѣстѣ съ нею стала все болѣе выказываться необходимость сосредоточить военную и гражданскую власти въ однихъ рукахъ; эта необходимость сдѣлалась еще ощутительнѣе, когда между Кноррингомъ и Спренгтпортомъ произошли несогласія. Означенные обстоятельства, а можетъ быть и желаніе отстранить Спренгтпорта отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ Финляндіи, побудили Императора Александра соединить званія

главнокомандующаго и генераль-губернатора въ одномъ лицѣ и возложить на Барклая также и эту послѣднюю должность. Въ послѣдовавшемъ тогда на его имя рескрипти, было, между прочимъ, сказано: «зная усердіе ваше къ добру и ваши либеральные правила, Я убѣженъ, что это назначеніе будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общую пользу страны и преуспѣяніе ея жителей». Выраженіе «либеральные правила» могло бы показаться не соотвѣтственнымъ стопческому характеру Барклая. Конечно, если подъ либерализмомъ понимать разрушеніе существующихъ, вѣками выработанныхъ формъ жизни и замѣну ихъ произвольными, подъ вліяніемъ страстей составленными порядками, то выраженіе это окажется неумѣстнымъ; но если видѣть въ немъ безразличное уваженіе человѣческаго достоинства и правъ каждого, отвращеніе къ притѣсненію по праву сильнаго и, наконецъ, тотъ благотворный духъ реформъ, который, безъ потрясеній, стремится къ совершенству, то Барклай былъ дѣйствительно человѣкъ либеральный и доказалъ это не только въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, но и во всѣхъ дѣйствіяхъ своей обширной административной дѣятельности.

Ф. П. В—нъ.

¹⁾ Письмо отъ 12-го мая 1809 года.

²⁾ Высочайший рескрипти отъ 23-го мая 1809 года. «En vous appelant au commandement de mon armée en Finlande, je n'ai suivi que le mouvement de la justice et de l'estime que j'ai conçue pour vos talents militaires et votre caractère personnel. Fondée sur ces motifs, mon opinion sur votre compte ne saurait jamais varier; seule elle vous suffira pour repousser l'ennuie si jamais elle osait s'elever contre vous.